

18+

Г. К. КАЛАБАЛИНА,
Л. В. МАРДАХАЕВ

**Педагогическое
наследие**
КАЛАБАЛИНЫХ

Книга 2.
Г. К. Калабалина

ИП "ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕСПУБЛИКА"
МОСКОВСКАЯ ГОРОДСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Л. В. Мардахаев
Г. К. Калабалина

Педагогическое наследие
Калабалиных. Книга
2. Г. К. Калабалина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65223767
ISBN 9785794908909

Аннотация

В книге 2 трилогии «ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ КАЛАБАЛИНЫХ» представлено педагогическое наследие известного в России и за рубежом талантливого педагога, супруги воспитанника А. С. Макаренко С. А. Калабалина (по «Педагогической поэме» – С. Карabanов) – Галины Константиновны Калабалиной. В книгу включены ранее опубликованные и архивные материалы Г. К. Калабалиной, в том числе ее педагогические мысли, которые представляют интерес для всех, кто занимается воспитанием подрастающего поколения.

Содержание

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ	7
Предисловие	8
Галина Константиновна Калабалина.	16
Документальная биография 1	
Г. К. Калабалина о себе и о своей семье	24
Завидная судьба педагога	24
Трагические страницы 3	32
Из воспоминаний Г. К. Калабалиной 4	41
Воспоминания о 1940—1944 годах	44
Воспоминания о 1953—1966 года*	64
Воспоминания о 1967—1988 годах 5	78
Встреча с интересным собеседником 6	90
Письмо Г. К. Калабалиной по поводу откликов на спектакль «Колонисты»	93
Уважаемый тов. Алексин!	100
Вместе с Семеном по жизни	102
Выступление перед студентами педагогического колледжа	106
Дорогой Евгений Дмитриевич!	114
А. С. Макаренко в моей жизни и развитие его идей в педагогической практике	117
А. С. Макаренко в моей жизни и работе 7	117
А. С. Макаренко в моей жизни и работе	117

Педагогическое наследие Калабалиных Книга 2. Г. К. Калабалина

**Г. К. Калабалина
Л. В. Мардахаев**

Благодарности:

НП "ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕСПУБЛИКА"

Директор издательства: Бояринова О.В.

Руководитель проекта: Крючкова А.А.

Редактор: Петрушин В.П.

Вёрстка: Измайлова Т.И.

Обложка: Крушинина В.А.

Книга издаётся в авторской редакции

Возрастной ценз 18+

Печать осуществляется по требованию

Шрифт Serif Ingenuе 11

ISBN 978-5-7949-0890-9

ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕСПУБЛИКА

Издательство

Московской городской организации

Союза писателей России

121069

Россия, Москва

ул. Б. Никитская, дом 50А/5

2-ой этаж, каб. 4

В данной серии издаются книги

авторов, пишущих на русском языке

в XXI веке

Электронная почта: litress@mail.ru

Тел.: + 7 (495) 691-94-51

Будем рады сотрудничеству с новыми авторами!

© Г. К. Калабалина, 2021

© Л. В. Мардахаев, 2021

ISBN 978-5-7949-0890-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ КАЛАБАЛИНЫХ

Книга 2. КАЛАБАЛИНА Г.К.

«Мы, взрослые, всегда должны помнить, что мы в ответе за будущее наших детей и хотим видеть их счастливыми. А счастлив только тот человек, который всей своей жизнью приносит счастье и радость окружающим».

Г. К. Калабалина

Предисловие

Галина Константиновна Калабалина (Мейер) (1909—1999) – педагог, который страстно любил детей, и всю свою жизнь посвятил тем детям, которые были искалечены жизнью, и судьба которых всецело зависела именно от нее. Именно им она смогла вернуть детство, сформировать из каждого гражданина-патриота своего Отчества – России. Именно ей писал один из воспитанников: «Спасибо за счастливое детство». Это удивительный человек – педагог – **достояние и гордость Российского государства.**

Выдающийся отечественный педагог, Галина Константиновна внесла огромный вклад в дело воспитания подрастающего поколения. Человек необычной судьбы, рано оставшийся без родителей и познавший горечь сиротства, в пятнадцать лет она включается в работу общества «Друг детей» по спасению несовершеннолетних сирот, таких же, как она сама. В этот период судьба ее свела с Антоном Семеновичем Макаренко, под началом которого она формировалась как педагог. В «Педагогической поэме» А. С. Макаренко она представлена как Галя Подгорная-Черниговка.

Жизнь Галины Константиновны тесно связана с незаурядной личностью – педагогом, воспитанником А. С. Макаренко – Семеном Афанасьевичем Калабалиным. Вместе с ним они внесли огромный вклад в дело воспитания подрастаю-

щего поколения России. Работать им приходилось с особым контингентом – детьми, оставшимися без попечения родителей, пережившими огромные жизненные трудности, нередко испытывающими недоверие к взрослым, вступающими с ними в конфликт. Ей удавалось находить подход к каждому воспитаннику, помогать ему преодолевать негативные наслоения, предшествующего жизненного опыта, становиться личностью.

Галина Константиновна – это российский педагог, успешно реализовавший опыт А. С. Макаренко в воспитании подрастающего поколения. Она смогла не только реализовать этот опыт, но и развить его с учетом изменявшейся ситуации в стране и возникающих трудностей в воспитательной работе с отдельными воспитанниками. Для Галины Константиновны характерно стремление постоянно сверяться с педагогическим опытом и учением А. С. Макаренко. Она не только обращалась к этому опыту, но и была его активным пропагандистом в различных педагогических средах.

Галина Константиновна была исключительно внимательным педагогом к каждому воспитаннику, авторитетным и педагогически грамотным в работе с ним и пользовалась огромным авторитетом у воспитанников. Вспоминая ее, они неоднократно подчеркивали, что относились к Галине Константиновне с особым уважением. Оно было настолько велико, что воспитанники не считали возможным ей врать. Многие ее считали и называли своей мамой. Она, как мама,

не только заботилась о каждом воспитаннике, но и сопровождала его в последующей жизни в период учебы, адаптации в профессии и практической деятельности. А как гордилась она, когда ее бывшие воспитанники приезжали к ней как к матери!

В феврале 1943 года сгорел в истребителе приемный сын Г. К. Калабалиной лейтенант Фёдор Крещук. Перед вылетом на задание он просил командование передать письмо его матери, если не вернётся из боя, в котором писал:

«Когда человек идёт в бой, он вспоминает самое родное и близкое... Я вспоминаю Вас, потому что всё самое святое, всё, что дороже жизни, сочетается у меня в Вашем образе.

Родная! Я всё помню, и ничего не забыл. Я помню, как Вы читали нам Диккенса, как хлопотали, чтобы повкуснее накормить, как приходили ночью в нашу спальню, чтобы поправить спустившееся одеяло, как радовались всякому «отлично» или «хорошо», которые ставили нам учителя. Мы не были для Вас чужими, мы были для вас свои, родные. Я не знал матери, этой матерью стали Вы. Сейчас знаю, у меня есть мать. От этого на душе тепло, так хочется биться за счастье, за Вас, за Родину, которая имеет таких женщин, как Вы. Это письмо придёт к Вам, если я не вернусь. Через несколько минут я вылетаю. Я думаю только о жизни, я не думаю о смерти. Но может быть мне придётся повстречаться со смертью. Что ж, я не дрогну. Я не посрамлю Вас,

милая женщина, воспитавшая меня. Как бы хотелось видеть Вас, вместе отпраздновать победу. Но надо смотреть правде в лицо: война есть война, война требует жертв...

Спасибо, родная, за всё. ПРОЩАЙТЕ!

Ваш сын Федя Крещук».

В письме к Галине Константиновне от командования воинской части, в которой служил Федя Крещук, было подчеркнуто: *«Лейтенант Фёдор Крещук часто рассказывал о Вас. Посылаем Вам его документы для получения пенсии, как его матери. Мы знаем, что не Вы родили Федю, но он – Ваш сын и Вы – его мать».*

Педагогическая деятельность Галины Константиновны отличалась высочайшим искусством. Работала она преимущественно с мальчишками, среди которых было немало исключительно сложных, и к каждому она сумела найти подход, способствуя его становлению как личности. Особенно интересны ее материалы по реализации индивидуального подхода к каждому воспитаннику, взаимодействию с педагогами школы, с коллективом в воспитательной деятельности.

Большой вклад внесла Галина Константиновна в развитие учения А. С. Макаренко о коллективе. Она была глубоко убеждена, что прежде всего необходимо воспитать сам коллектив. Детское сообщество влияет на каждого ребенка соответственно его возможностям, но чтобы оно стало воспитательным коллективом – субъектом воспитания, необходимо его сформировать (воспитать). Только такой – правильно воспи-

танный – коллектив становится субъектом конструктивного воспитания, а в задачу педагога входит помогать ему и направлять его воспитательную деятельность.

В педагогическом учении Галины Константиновны встречается мысль А. С. Макаренко об одном из важнейших принципов воспитания: «Как можно больше уважения к ребенку и как можно больше требований к нему». Она на практике видела, с каким уважением Антон Семенович относился к каждому воспитаннику и как доверял ему. Галина Константиновна обращает внимание воспитателей на необходимость оказывать «как можно больше уважения и *доверия* воспитаннику». В ее педагогической деятельности доверие становится одним из продуктивных средств воспитания. Анализируя ее педагогические взгляды, видишь, как смело, умело и целесообразно она реализует доверие к каждому своему воспитаннику в работе с ним, и воспитанники верили ей и старались не огорчать ее.

Богатым педагогическим наследием Галины Константиновны являются ее дневники. В них она записывала свои наблюдения, планы, успехи и неудачи. Это богатейший материал для исследователей в области воспитания, для практиков – как пример кропотливого педагогического поиска и достижения результативности в воспитании. Исключительно ценен материал для родителей, в нем проверенный на практике опыт, сформулированный в виде педагогических размышлений и рекомендаций – как изучать особенности ре-

банка, учитывать их и строить конструктивные отношения, реагировать на те или иные проявления.

Книга представляет собой собранный и систематизированный материал, вышедший из-под пера Галины Константиновны. В ней собраны дневниковые записи, опубликованные статьи, методические материалы подготовки к выступлениям в различных аудиториях и прочие материалы. Следует отметить, что дневниковые записи оказались достаточно сложным материалом. Не все удалось расшифровать и включить в сборник. Писала Галина Константиновна дневник не для публикации, а для себя. Дневник для нее был особым педагогическим инструментарием, для сбора информации на каждого воспитанника, чтобы, анализируя ее, определять пути работы с ним, фиксировать и видеть динамику его изменения. Это своего рода «личный собеседник», помощник педагога в работе с воспитанником, выработке способов педагогического воздействия, а также возможность вспомнить о прошлом, поразмышлять над личным опытом жизни, опытом жизни других людей.

В процессе работы над рукописью очень помогли воспитанники Галины Константиновны Калабалиной. Они поддерживали морально в этой ответственной деятельности, а также присылали свои материалы. Огромную признательность хочется выразить Дмитрию Павловичу Барскову и Владимиру Васильевичу Морозову за помощь в подготовке рукописи. Д. П. Барсков проделал значительную исследова-

тельскую работу по раскрытию документальной биографии Галины Константиновн. Этот материал, а также дневниковые записи, которые получили отражение в его 2-томнике «Колокола памяти», он и прислал для включения в настоящую книгу.

В. В. Морозов принимал участие в непосредственном сборе материалов для сборника. Он является одним из хранителей архива Калабалиных. Благодаря ему, удалось собрать такое количество материалов как опубликованных, так и рукописных, оставленных Галиной Константиновной, обработать их и включить в книгу.

Искренняя признательность моей супруге Галине Семеновне, которая проделала значительную работу по оцифрованию ряда дневниковых записей Галины Константиновны. Записи очень сложны для расшифровки. Галина Константиновна занималась скорописью, и этот факт наложил отпечаток на ее дневниковые записи. К сожалению, не все удалось расшифровать. Думается, что это дело будущих исследователей.

Представленные материалы будут полезны всем, кто занимается воспитанием, кому не безразлично будущее подрастающего поколения, – родителям, исследователям проблем воспитания, студентам педагогических вузов, различным категориям педагогов, воспитателей, работникам органов управления образованием и педагогических вузов, готовящим педагогические кадры.

Л. В. Мардахаев,

автор-составитель и редактор трилогии.

Галина Константиновна Калабалина. Документальная биография¹

14 (01) июня 1909 года, Псковская губерния, Новоржевский уезд, село Мошатино, родовая усадьба неподалеку от деревни Бардово

Родилась в семье потомственных дворян Лифляндской губернии (официальное название территории северной Латвии и южной Эстонии в XVII – начале XX вв.) *.

Дед по отцовской линии: Иван Карлович фон Мейер (1832 г.р.).

Бабушка: Мария Александровна Паткуль из знатного дворянского рода, приближённого к царской семье.

Отец: Константин Иванович фон Мейер (1875—1915), православного вероисповедания, состоял в законном браке с Ниной Михайловной (1879—1925), лютеранского вероисповедания.

¹ *Документальная биография подготовлена Барсковым Дмитрием Павловичем, кандидатом технических наук, членом Союза писателей России, воспитанником Семёна Афанасьевича и Галины Константиновны Калабалиных, и опубликована в книге «Колокола памяти. Записки детдомовца» (2014): книга 2, часть IV, раздел 45, с.246—256.*

Дочери: Галина и Ольга фон Мейер записаны в IV часть дворянской родословной книги Псковской губернии и 28 октября 1915 года им были выданы Свидетельства Дворянского Депутатского Собрания**.

Сентябрь 1916—1923, Харьков, УССР

Учёба в железнодорожной школе-семилетке №79.

Осень 1923 – лето 1927, Харьков, УССР

Учёба в Харьковском педагогическом техникуме.

1926, Харьков, УССР

Судьбоносная встреча с Антоном Семёновичем Макаренко на собрании актива «Друг детей». Зачисление Галины Константиновны в сводный отряд студентов из числа колонистов-горьковцев.

21 октября 1927, Харьков, УССР

Свадьба Семёна Афанасьевича Калабалина и Галины Константиновны Мейер. Брак зарегистрирован 17.03.1928.

01 сентября 1927 – 15 ноября 1928, Харьков, УССР

Работа в Управлении детскими домами, коллектив которого состоял из бывших работников и воспитанников колонии им. Горького (по рекомендации А. С. Макаренко).

18 ноября 1928, Харьков, УССР

Родилась дочка Ниночка (умерла от воспаления легких в январе 1929 года).

01 февраля 1929 – 16 февраля 1931, Харьков, УССР

Воспитатель коммуны имени Ф. Э. Дзержинского (под руководством А. С. Макаренко) НКВД Украины.

18 июня 1930, Харьков, УССР

Родилась дочка Леночка.

24 августа 1931, Ленинград

Родился сынок Костик (трагически погиб 04.07.1934).

01 июля 1932 – 15 мая 1935, пос. Новая Знаменка, пригород Ленинграда

Воспитатель Ново-Знаменской школы колонии Ленинградского Облоно.

24 июня 1935, Харьков, УССР

Родилась дочка Галочка.

01 декабря 1935 – 15 марта 1938, село Якушинцы, Винницкая область, УССР

Воспитатель трудовой воспитательной колонии №8 НКВД Украины.

27 марта 1938 – 31 марта 1939, пос. Соколовка, Крижопольский р-н, Винницкая обл., УССР

Воспитатель Соколовского специального детского дома
Министерства просвещения Украинской ССР.

6 сентября 1938, пос. Соколовка, Винницкая обл. УССР

Родился сынок Антоша (умер от воспаления легких
17.04.1939 года).

31 августа 1939 – 25 декабря 1940, ст. Барыбино Московская обл.

Воспитатель детского дома №3 Мосгороно (Барыбинский
детдом).

31 октября 1939, дер. Авдотьино Малинского р-на Московской обл.

Родился сынок Антошик.

25 декабря 1940 – 02 февраля 1942, Москва, Сокольнический р-н – гор. Катав-Ивановск, Челябинская обл.

Воспитатель детского дома №60 Мосгороно с особым режимом.

Эвакуация на Урал: следование в эшелоне с 20 ноября

по 01 декабря 1941.

03 февраля 1942 – 10 августа 1944, гор. Катав-Ивановск, Челябинская обл.

Директор детского дома №60 Челябинского Облоно Министерства просвещения РСФСР.

1944 – награждена значком «Отличник Народного просвещения»

11 сентября 1944 – 17 сентября 1946, гор. Солнечногорск Московская обл.

Воспитатель детского дома №2 для испанских детей Министерства просвещения РСФСР.

1945

Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.»

01 мая 1947 – 20 сентября 1950, гор. Сталинири, Грузинская ССР, (ныне г. Цхинвал, Южная Осетия)

Воспитатель Сталинирской трудовой воспитательной колонии при учебно-воспитательной части МВД Грузии.

20 сентября 1950 – 03 сентября 1956, пос. Мотовиловка. Фастовский р-н, УССР

Воспитатель Мотовиловского детского дома Министерства просвещения Украины.

01 января 1957 – 24 июня 1972, дер. Клемёново, Егорьевский р-н, Московская обл.

Воспитатель Клемёновского детского дома Мособлоно Министерства просвещения РСФСР.

30 сентября 1966

Награждена Орденом «Трудового Красного знамени».

1970

Награждена медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина».

1972

Присвоено почётное звание «Заслуженный учитель РСФСР».

июль 1972 – апрель 1975, дер. Клемёново, Егорьевский р-н, Московская обл.

Директор Клемёновского детского дома Мособлоно Министерства просвещения РСФСР (до момента его расформирования).

1978

Награждена медалью «Ветеран труда».

1988

Награждена «Медалью Н. К. Крупской».

Персональный пенсионер (удостоверение №144305).

17 января 1999, дер. Клемёново, Егорьевский р-н, Московская обл.

Скончалась. Похоронена на Егорьевском городском кладбище рядом с мужем С. А. Калабалиным.

** Указанные в личных документах Г. К. Калабалиной происхождение, место и время рождения (1 июня 1908 года, город Харьков) были ею намеренно изменены. Жизнь в послевоенные годы и последующие десятилетия наложила печать запрета. «Сущностью сложившегося ее бытия стало желание овладеть временем, применительно к целям и смыслу жизни ее поколения. И она воспользовалась этим...» (В. В. Морозов).*

*** Информация из Государственного архива Псковской области (ГАПО) о предках Галины Константиновны Калабалиной получена в результате поисковой работы выпускниц Клемёновского детского дома Галины Тихоновны Волковой и Натальи Васильевны Васильевой. Заверенные в ГАПО копии «Делопроизводственной справки» и «Свидетельства» переданы Д. П. Барсковым семье А. С. Калабалина и в музей*

С. А. Калабалина Савинской школы во время выступления на первых «Калабалинских чтениях» в Егорьевском историко-художественном музее 13 марта 2012 года.

Г. К. Калабалина о себе и о своей семье

Завидная судьба педагога

(Интервью Г. К. Калабалиной газете «Горьковский рабочий»)²

А. В. Решая проблемы совершенствования учебно-воспитательного процесса, каждый учитель постоянно обращается к творческому наследию классиков педагогики. Живым родником творческой мысли являются для каждого из нас работы выдающегося советского педагога А. С. Макаренко. Его «Педагогическая поэма» и «Книга для родителей» не залеживаются на прилавках книжных магазинов, ибо сегодня, как никогда, велика тяга советского народа к педагогическим знаниям, к повышению культуры семейного воспитания. Понятен и тот интерес, который проявляем мы к тем живым свидетелям практической деятельности А. С. Макаренко, которые продолжают дело своего учителя.

Семен Афанасьевич и Галина Константиновна Калабалины – известные люди в нашей стране. Неудивительно, что

² Интервью проводил А. Волков, директор школы №178, г. Горький, 1980.

недавний приезд в наш город воспитанницы А. С. Макаренко Галины Константиновны Калабалиной многих заставил обратиться к бессмертным страницам «Педагогической поэмы». И всем вспомнился герой книги Семен Карабанов, который, если помните, женился на «черноглазой студентке» Гале.

Семен Афанасьевич Калабалин и был той яркой фигурой, которую так живо представил А. С. Макаренко в своем произведении, дав своему герою фамилию Карабанов.

Г. К. Я жила тогда в Харькове с мамой и младшей сестрой. Моего папу убили в германскую войну, а мама была учительницей немецкого языка. Я тоже мечтала стать педагогом. После школы поступила в педучилище, там и вступила в общество «Друг детей». Тогда был бич – беспризорность.

В стране, только что пережившей две революции и гражданскую войну, царила разруха. Сотни тысяч детей потеряли не только семьи, но само детство. Мы, молодежь, вдохновенно поднимались на помощь нашей стране. Занимались конкретными делами: собирали ребят на вокзалах, дежурили в ночлежках, где были беспризорники, определяли их в детские дома, там тоже проводили много времени, общаясь с ребятами. И в этом общении под коростой грубости и отчуждения открывались порой чистые и добрые детские души. Хотелось много сделать для этих детей, чтобы жизнь у них устроилась хорошо. Тогда у меня и появилось желание стать воспитателем.

Но не все складывалось, как хотелось. В 1925 году скоропостижно умерла мама. Из взрослых я осталась одна, и об учебе не могло быть и речи, надо было зарабатывать себе на хлеб. Решила пойти работать на табачную фабрику в Харькове. И вот как-то приехал лектор, и весь наш актив по борьбе с детской беспризорностью собрали на лекцию. Этим лектором был Антон Семенович Макаренко.

Мы ждали «ученого» доклада, а получили задушевный разговор. С большой теплотой говорил Антон Семенович о своих воспитанниках, о тех причинах, которые привели ребят на улицу, о том, какие замечательные люди выходят из колонии имени Горького, о том, что в каждом человеке, даже в самом плохом, есть что-то хорошее, которое надо найти, увидеть, за которое надо зацепиться и которое надо развивать.

Я слушала Антона Семеновича, затаив дыхание. Как он верит в Человека! Как он любит людей! У такого педагога не может быть плохих воспитанников. Как счастливы те, кто попал в эти заботливые руки. И как мне захотелось в эти минуты посвятить свою жизнь этим, вырванным из нормальной жизни ребятам.

После беседы я подошла к Антону Семеновичу и рассказала о своей жизни, о трудностях, с которыми я столкнулась после смерти матери. Антон Семенович выслушал меня внимательно, а потом сказал:

– Вот что, здесь, в Харькове, учится группа наших раб-

факовцев, это наш сводный отряд, я зачисляю тебя в него. И с этого дня ты не одна, у тебя большая семья, которая будет заботиться о тебе, и перед которой ты будешь в ответе за свои поступки. То, что ты хочешь стать воспитателем, это очень хорошо, и ты им обязательно будешь.

С этого дня моя жизнь получила новый смысл, я была не одна, меня окружали хорошие, заботливые люди. Антон Семенович регулярно навещал сводный отряд, который жил в студенческом городке.

В один из таких приездов меня приняли в колонисты и вручили мне костюм и синюю блузку с белым воротничком. Для меня этот костюм был дороже всего на свете, так как это означало, что я стала полноправным членом колонии имени Горького.

А. В. А как вы познакомились с Семеном?

Г. К. Когда я приехала в колонию имени Горького, Антон Семенович сказал, что мне надо осмотреть колонию. А там были такие подземные ходы, – интересно. Вот позвал он Семена, вошел парень в малиновых трусах и синей рубашке – у них все в трусах ходили, и говорит:

– Вот, Семен, я даю тебе ордер на два часа, познакомишь Галю с колонией.

Я знала, что ордера дают на пальто, а что на людей – не знала. Меня это немножко даже испугало. Оказалось, у них такой порядок был: получил ордер – значит, несешь

полную ответственность за того человека, которого тебе поручили. С первой минуты он произвел на меня такое впечатление – удивительный во всем: глаза, улыбка... Ходили, подошли к подземным ходам. Он говорит:

– А ты не боишься со мной пойти?

Я ему сказала:

– Знаешь, чего бояться? Геройство – обидеть сильного, а слабого – какое же тут геройство?

– Ну, тогда пойдем.

Так состоялось наше знакомство.

С. А. Калабалин после колонии получил высшее сельскохозяйственное образование. Однако годы, проведенные в колонии, наложили свой отпечаток на идеалы пытливого юноши. Они, эти идеалы, а также влияние личности самого Макаренко сказались на окончательном выборе жизненного пути, и бывший колонист Семен Калабалин становится воспитателем, а затем и директором детского дома трудновоспитуемых детей и спецколоний для несовершеннолетних правонарушителей.

Продолжая традиции своего учителя, С. А. Калабалин уже в предвоенные годы получает широкую известность. О нем пишут центральные журналы и газеты. Вместе с мужем работает в детском доме воспитателем и Галина Константиновна. Когда в начале войны С. А. Калабалина призывают в ряды Советской Армии, директором детского дома

становится Галина Константинова.

А. В. О том времени Галина Константиновна рассказывает так, будто только вчера все и было.

Г. К. Да разве такое забудешь, – чуть приглушенным голосом говорит она. – Дети и война. Страшно. Тяжело об этом вспоминать.

А. В. И в войну детский дом не сдал своих макаренковских позиций, хотя трудностей в его жизни было тогда немало. Приходилось перестраивать всю работу на новый лад, с учетом военного времени.

Кончилась война, и вернулся с фронта Семен Афанасьевич. Детский дом зажил прежней мирной жизнью. Еще раз пришлось Галине Константиновне принимать детский дом – после смерти мужа. Объектом особого внимания Г. К. Калабахиной являются ребята, у которых что-то не заладилось в жизни, и которых мы привыкли называть трудными.

– Чем обусловлен этот интерес?

Г. К. Я ведь сама из таких ребят, да и большинство моих лучших друзей – сейчас уже людей почтенного возраста – в прошлом были неудачниками. Но воля, способности, воспитание сделали их хорошими людьми, многие из них до ухода на пенсию занимали видные посты. И мне, и им помогли стать такими наши педагоги, и, в первую очередь, Антон Семенович, могли ли мы остаться неблагодарными вос-

питанниками. Не случайно многие из нас пришли работать в школы и детские дома.

Надо всегда помнить, что трудными дети не рождаются, такими их делает ближайшее окружение.

Работать с трудными крайне тяжело. И, тем не менее, это самый живой и самый интересный народ. Воспитателю настоящему работа с ними помогает раскрыть свои лучшие профессиональные качества, выявить уровень собственных педагогических возможностей.

Глубоко убеждена: без доброты человек – ничто. Человеческое приобретается с добротой, если неуклонно повышается самосознание личности. Нет человека, который не пытался бы стать лучше, чем он на самом деле есть. Видеть лучшее в человеке нужно уметь. Этому надо учиться у А. С. Макаренко, что мы и делаем.

А. В. Хотелось бы узнать, как вы относитесь к педагогическому наследию В. А. Сухомлинского?

Г. К. В.А. Сухомлинский, по моему твердому убеждению, – выдающийся советский педагог. Обидно очень, что подобные вопросы иной раз бывают навеяны стремлением некоторых противопоставить его Антону Семеновичу Макаренко. А. С. Макаренко, мол, – да, а что до В. А. Сухомлинского, то он, дескать, ничего нового в педагогике не сказал и не сделал. Ошибочное, вредное суждение!

Этот удивительный человек действительно отдал свое

сердце детям, нелегкому педагогическому делу.

Я уверена, что будь жив Антон Семенович, он дал бы деятельности В. А. Сухомлинского самую высокую оценку. Оба выдающихся педагога сказали свое слово в теории и проявили себя на практике в конкретных жизненных условиях. Поэтому не сопоставлять и не сравнивать надо этих людей, а глубже изучать обоих и шире использовать их опыт и теоретические выводы в повседневной работе.

А. В. Дни пребывания Г. К. Калабалиной в Горьком были насыщены напряженной работой. Иногда казалось, что нагрузка, которую взяла на себя эта далеко уже немолодая женщина, была ей не под силу. Беседы со школьниками и учащимися ПТУ, выступления с лекциями перед учителями и студентами, многочисленные встречи с людьми, интересующимися творчеством А. С. Макаренко. И всегда казалось, что девиз колонии имени М. Горького «не пицать!» продолжал оставаться в силе для Г. К. Калабалиной и в эти дни. Всегда собрана, подтянута, в хорошем настроении.

Ее выступления были настоящим откровением большого педагога, отличника народного просвещения, страстного пропагандиста идей А. С. Макаренко, матери детей, ставших по примеру родителей педагогами.

Трагические страницы³

...Летом 1932 года Семена перевели в Ленинград на работу в 66-ю школу-колонию, что находилась в районе пригорода «Сосновая Поляна». Это было учреждение со сложным контингентом ребят. Коллектив воспитателей то и дело менялся. В день, когда мы приехали, 50% воспитанников отсутствовали в д/доме. Нам дали комнатку в мансарде учебного корпуса. Подниматься в нее надо было по темной, крутой лестнице. Расположив свой скромный скарб в комнате, мы начали осваиваться на новом месте.

Костику было уже 10 месяцев, и я решила устроиться на работу. Жить на одну зарплату Семена было тяжело. Смотреть за детишками мы взяли девушку – Марусю, по национальности она была эстонка. Спокойная, аккуратная, она произвела на нас хорошее впечатление, и мы не ошиблись. В мое отсутствие дети были в надежных руках. Я поступила работать воспитателем в соседнюю школу-колонию, что была в одном километре от нас. Вновь началась жизнь, полная трудовых напряжений, домашних хлопот, тревог, радостей, вечеров в кругу семьи после трудового дня. Теперь мы уже вместе обсуждали свои успехи и неудачи. Семен все-

³ Калабалина Г. К. Фрагменты воспоминаний // Барсков Д. «Колокола Памяти: записки детдомовца». В 2-х кн. – Владимир: «Транзит-ИКС», 2014. – Кн. 2. – с. 7—11.

гда был для меня хорошим советчиком, помогал мне разобраться порой в трудных ситуациях. Приходил ко мне на работу, очень быстро вошел к нам в коллектив как свой человек. У нас образовалась хорошая, дружная компания молодых педагогов-воспитателей. Мы часто собирались вместе семьями. В свою очередь, я сдружилась с ребятами из 66-го детского дома. Они приходили ко мне за советом. Если кто из ребят заболел, я вечерами ходила в изолятор проведать больных. Так, несмотря на то что мы работали в разных учреждениях, интересы у нас были общие.

В это время с нами жили моя сестра Оля, которая работала учителем в 66-м детском доме и две мои двоюродные сестры, мать которых тяжело болела. Семен ко всем относился, как к своим родным. Для каждого у него находилось теплое слово. Жили они у нас более двух месяцев и, когда поправилась их мать, и они уезжали домой, то расставались, как самые родные.

Ребята, Леночка и Костик, росли среди воспитанников детского дома, и никто никогда их не обижал. Костик фактически вырос на их руках, был общим любимцем. Хорошо сложенный, с черными кудрявыми волосиками, он был очень симпатичный. Большие цвета спелой вишни глаза всегда светились радостью. Жили они с Леночкой очень дружно. Минуты не могли быть друг без друга. Леночка очень рано начала чисто говорить, а вот Костик долго не мог выговорить букву «Р», и много у него было собственных слов. И вот Ле-

ночка часами терпеливо учила его правильно произносить слова, выговаривая букву «Р»...

Я часто вечерами, глядя, как дети спят в самодельных кроватках здоровыми, загорелыми с беззаботными улыбками на личиках, думала: «Какая я счастливая – у меня такой хороший муж-друг, такие прекрасные детки, любимая работа. Что еще надо человеку. Наверно, это вершина счастья». Да, наверное, такой счастливой я себя чувствовала в те дни, когда непоправимое горе подкралось к нам.

Костик был очень подвижный мальчик, его интересовало все, он не боялся ничего. Однажды он пришел на хозяйственный двор, пролез в стойло, где стоял племенной бык, которого боялись все и не без оснований. Он признавал только одного мальчика – Сашу Рослякова, который ухаживал за ним. Так вот, Костик залез к нему в стойло, уселся у его ног, стал поглаживать и напевать ему песенку, а бык дружелюбно лизал его волосики. Все были в ужасе, я боялась подойти к стойлу, чтобы не рассердить быка и только издали делала Костику знаки, чтобы он вышел. Наконец-то он меня заметил и вылез. Бык провожал его ласковым взглядом. Но, конечно, все могло обернуться иначе.

В другой раз он залез по лестнице на крышу дома за мячиком, а потом спокойно спустился с ним вниз. Казалось, он ничего не боится, и судьба берегла его. Несмотря на то, что он был младшим, он всегда ревниво оберегал Леночку и никому не давал ее в обиду. Они очень хорошо играли вдвоем.

Нам было легко с ними, хотя надо сказать, что жизнь у нас складывалась нелегко. Работать надо было много, и работа была сложная. Вставали рано, чтобы успеть до работы все сделать – приготовить еду, дрова для печки, наносить воды, накормить ребят и оставить их с Марусей, которая присмотрит за ними в наше отсутствие... Зарплата была небольшая, с продуктами в это время тоже было очень трудно, но все это не омрачало нашу жизнь. Все были здоровы, дружны. В доме все было самое необходимое. Были у нас верные надежные друзья, были добрые письма от Антона Семеновича Макаренко. Мы были молоды, полны сил, любили друг друга, у нас были хорошие дети, наши самые лучшие Леночка и Костик, любимая работа, общие интересы. Что же еще надо человеку? А все остальное со временем придет.

Но в жизни человек никогда не знает, что его подстерегает. Это было летом 1934 года. Второго июля в детский дом прибыл из детского приемника-распределителя новый воспитанник Петр Гумин – 13 лет. Мальчик как мальчик, небольшого роста, худенький, обратили на себя внимание руки с длинными музыкальными пальцами. Как положено он был помещен в изолятор для прохождения карантина. 3 июля весь детский дом под руководством Семена уходил в поход. Как всегда, когда куда-нибудь уезжал, Семен расцеловал ребятшек. Помнится, будто бы как сейчас, Костик был в коротких штанишках и вышитой косоворотке, которая очень ему шла. Семен взял его на руки, поднял и, креп-

ко прижав к себе, сказал: «Ты знаешь, Галя, если с ним что-нибудь случится, я не переживу». Потом быстро поставил его на ноги, поцеловал меня и ушел. Детский дом опустел. Остался только новенький мальчик в изоляторе.

Когда я вернулась в этот день с работы, ребятки не отходили от меня. Они скучали без ребят, без Семена. У детей была любимая игрушка – большая русская матрешка, с которой они всегда играли. И вдруг Леночка обнаружила ее отсутствие. Стали везде ее искать, и тут Костик неожиданно сказал: «Не ищи, она умерла, я ее похоронил» – и повел нас во двор к бугорку, где была зарыта матрешка. Мы с Леночкой ее извлекли, а Костик посмотрел на меня и спросил: «А Костик тоже умрет?» Откуда у него появились такие мысли? Я постаралась отвлечь его этих мыслей, но на душе у меня стало как-то не по себе. Теперь я постоянно думаю о том, что у него было какое-то предчувствие. И еще – в эту ночь Костик спал тревожно, проснувшись, заплакал и сказал, что хочет ко мне, потому что ему страшно. Я взяла его к себе в постель, он крепко прижался ко мне, успокоился и заснул. Надо сказать, что к этому времени Маруся, которая смотрела за детьми, устроилась на завод и к нам приходила пожилая женщина, которая в мое отсутствие смотрела за детьми. Утром, как всегда, собралась на работу. Обыкновенно перед уходом я целовала детей, они провожали меня до дверей, махали ручками. Но в это утро Костик вдруг сказал: «Мама, не уходи на работу, Костику будет скучно». Я постара-

лась его отвлечь и незаметно ускользнула, оставив ребятку на няню. Леночке 18 июня исполнилось 4 года, а Костику через три недели должно было исполниться 3 года. Не прошло и трех часов после того, как я пришла на работу, как позвонили из дома и сказали, что куда-то исчез Костик, не пришел ли он ко мне, уже два часа его ищут и нигде не найдут. Сразу вспомнился весь вчерашний день, тревожная ночь. Что-то страшное сдавило сердце. Я бегом помчалась домой. Все мои сослуживцы бросились на поиски Костика, но его нигде не было. Леночка утверждала, что вскоре после моего ухода к крыльцу подошел новенький мальчик и позвал Костика пойти с ним погулять, собирать цветочки, хотела и она с ними пойти, но он ее не взял. Новенький мальчик – Гумин – категорически отрицал и говорил, что он к крыльцу не подходил и никого не видел.

Позвонили в Красное Село Семену, куда он ушел с ребятами в поход. К 2 часам дня он прискакал. Мы понимали, что случилось что-то непоправимое и все же еще надеялись. Искали все и где только могли – в колодце, в пруду, в лесу, но все было тщетно. Уже начало смеркаться, две женщины на поляне около пруда собирали цветы. И вдруг страшно закричали. Семен метнулся туда. В кустах, прикрытый травой, лежал убитый Костик. Нет слов, чтобы описать то горе, которое мы пережили. Казалось, за один миг рухнула жизнь. За 10 минут, что Семен нес Костика от пруда домой, он поседел и как-то окаменел. Я не могла плакать, и от этого ста-

ло еще страшней. До последней минуты похорон я не проронила ни одной слезы и, только возвратясь домой, я разрыдалась. Меня начали успокаивать, а наш большой друг тетя Варя сказала: «Оставьте ее, дайте выплакаться, и ей станет легче». Трудно мне и сейчас вспоминать, как мы справились тогда со своим горем. Наверно, в первую очередь, помогла Леночка. Нужно было ее успокоить (она очень тяжело переживала потерю братика), наконец, продолжать жить для нее.

Только через неделю удалось установить, кто действительно убил Костика. Это был тот самый новенький мальчик Петр Гумин. Он сам в этом признался после того, как в детский дом приехала завуч психоневрологического института, где он находился в прошлом году после убийства мальчика Вити. Лежал он и в 1931 году, и в 1932 году за аналогичные случаи. Наш Костик был четвертою жертвою его рук. До этого я никогда не слышала о таких страшных вещах. Оберегала детей от чего угодно, только не от людей, а тем более от детей. Мне было очень тяжело, я винула себя, да, пожалуй, и до сих пор не могу себе простить, что в этот злополучный день, когда Костик так тревожно себя чувствовал, не осталась дома. Возможно, это могло случиться и в моем присутствии, как знать. Конечно, я ни в чем не могла винить няню, она знала, что дети играют с воспитанниками. И все же мне было невозможно оставаться рядом с ней, оставлять на нее Леночку. И тут меня выручила Маруся, которая, узнав о гибели Костика, немедленно приехала и все

время была с нами. Она привезла с собой девушку Шуру, которая оставалась смотреть за Леночкой, кстати, она прожила с нами до 1938 года, от нас и вышла замуж.

Похоронили Костика на немецком кладбище, которое было рядом с детским домом. Через неделю вернулись из похода ребята. Они ничего не знали о случившемся и восприняли наше горе, как свое. С оркестром они пошли на кладбище и возложили на могилку цветы, многие плакали.

Семен как мужчина оказался сильнее меня, он продолжал работать, дома старался всячески облегчить мое душевное состояние, вывести меня из какого-то шока, в котором я находилась. А я не могла побороть себя, выйти на работу. Я ходила и искала глазами детей, похожих на Костика, могла найти такого и усыновить. Я понимала, что ребята ни в чем не виноваты, что они вместе с нами тяжело переживали гибель Костика. И все же я не могла с ними спокойно встречаться, говорить.

И тут, в самое трудное для нас время, пришло письмо от Антона Семеновича, в котором он писал, что утешить нас невозможно, что он понимает, сколь велико наше горе, но, писал он: «Вы потеряли сына, это неутешное горе, но подумайте, сколько еще есть ребят, которые потеряли родных, остались сиротами, вот и отдайте им кусочек своего родительского тепла. Этим вы залечите свою рану, отогреетесь».

Это письмо отрезвило меня. Я поняла, что рассуждала эгоистично, и на второй день вышла на работу. И надо ска-

зять, что в последующие десять лет я работала только с мальчишками и видела в каждом частицу Костика. Рана эта не заживаемая, она кровоточит и сейчас при прикосновении к ней, но, внимание и забота Семена, друзей, работа и, конечно, Леночка помогли мне снова вернуться в строй жизни. Однако оставаться жить на том месте, где все напоминало Костика, напоминало о страшной трагедии, было невозможно, и мы решили поменять место жительства. По приглашению Антона Семеновича мы на время переехали к нему в Харьков. Семен временно устроился работать инспектором в Управление колоний НКВД УССР в Киеве, которое возглавлял Антон Семенович...

Из воспоминаний Г. К. Калабалиной⁴

Теперь, когда немного обжились (октябрь 1928), встали на ноги, мы с Семеном решили взять к себе мою младшую сестру Олю, которая воспитывалась в Ленинграде в детском доме. Семен поехал за ней, и наша семья увеличилась. Семен очень заботливо относился к Оле, как к младшей сестре. Вскоре мы ее устроили учиться в ФЗУ швейной фабрики в Харькове... Оля жила вместе с нами.

(Вместе с молодыми педагогами Калабалиными в 1931 году Оля уехала в Ленинград, поступила в педагогический институт имени А. И. Герцена. После первого курса она перешла на вечернее отделение и стала работать в «Сосновой поляне» вместе с С. А. Калабалиным. – Д. Б.).

В это время с нами жила моя сестра Оля, которая работала учителем в 66-м детском доме для трудновоспитуемых детей. Так началась трудовая жизнь Ольги: служение детям, работа в детских колониях, детдомах, школах.

По приглашению А. С. Макаренко Калабалины в 1935 году переехали на Украину, в Винницу, а через год к ним приехала Ольга Константиновна. Началась нелегкая работа в Якушиницкой детской трудовой колонии под Винницей.

⁴ Калабалина Г. К. Фрагменты воспоминаний // Барсков Д. «Колокола Памяти: записки детдомовца». В 2-х кн. – Владимир: «Транзит-ИКС», 2014. – Кн. 2. – с. 251—254.

После переезда Калабалиных в Подмоскowie, в Барыбинский детский дом, семья Паскаль осталась в Виннице. В 1939 году, когда у Ольги Константиновны было уже двое детей, муж Игорь Иосифович Паскаль получил тяжелое ранение на Финской войне. После выписки из госпиталя в 1940 году его послали на курсы старших политруков, которые он окончил в июне 1941 года. Его направили в приграничную область Западной Украины, и во время боевых действий первого месяца войны он пропал без вести...

3 июля 1941 года в Винницу пришел приказ об эвакуации колонии. Ольга Константиновна и еще три воспитателя под непрерывными бомбежками повели пешком 535 ребят (!) на восток. С небольшим запасом продовольствия, среди страшного потока беженцев, за два месяца практически безостановочного движения они прошли почти 500 км. Измученные, оборванные, многие больные, пришли в Харьков.

В военкомате наиболее здоровых и подходящих по возрасту колонистов отобрали к отправке на фронт. Остальные с товарным эшеленом поехали в эвакуацию через Москву. В конце октября 1941 года Ольга Константиновна с маленькими детьми оказалась в Москве и чудом застала там Калабалиных. Семен Афанасьевич уже находился на фронте, а Галина Константиновна готовила свой детдом к эвакуации. Собрав своих детей и детдомовцев, сестры отправились по железной дороге в Челябинскую область, в город Катав-Ивановск. В 1944 году, когда исход войны был уже

предрешен, семья О. К. Паскаль вернулась на Украину. Ольга Константиновна получила вызов в Винницкую область, в недавно освобожденный от фашистов Юзвенский район. Здесь еще было неспокойно, но она получила назначение директором школы и стала готовить детишек к учебному году. В трудных условиях провела избирательную кампанию 1944 года...

Невозможно рассказать обо всем том, что пришлось пережить этой женщине в годы войны и первые послевоенные годы! Ни удары судьбы, ни пошатнувшееся здоровье, ни боль утраты мужа не изменили ее жизнелюбивого, оптимистического характера. С еще большим энтузиазмом Ольга Константиновна работала с детьми, отдавая им всю душу, тепло и любовь своего материнского сердца. После войны О. К. Паскаль работала с испанскими детьми в подмосковной Тарасовке, затем вместе с Калабалиными – в детской колонии в Сталинири (Цхинвал), а с 1952 года – снова на Украине. На этот раз вместе с Калабалиными она работала воспитателем в Мотовиловском детском доме под Киевом. После того как они уехали в Егорьевск Московской области, Ольга Константиновна перенесла несколько операций, инфаркт, но, даже получив инвалидность, продолжала нести идеи А. С. Макаренко в жизнь.

На украинской земле, в педагогической секции общества «Знание», появился новый талантливый лектор с замечательными темами: «Творческое использование педагогиче-

ского наследия Макаренко», «Роль быта и семьи в формировании личности ребенка», «Роль коллектива в формировании личности» и др. В 1950-е, 1960-е, 1970-е годы в Киеве, Харькове, да и по всей Украине были живы многие воспитанники А. С. Макаренко, жили и работали воспитанники С. А. Калабалина. Во встречах и слетах (Винница, Днепрпетровск, Одесса, Харьков) Ольга Константиновна Паскаль принимала активное участие. Она постоянно выезжала с лекциями и воспоминаниями во многие города и области Украины, поддерживала связь с музеем А. С. Макаренко в Кременчуге, выступала в Калининграде, Балтийске, Вологде, Рязани, Череповце, Москве, Подмоскovie... Имела переписку с десятками школ, институтов, профтехучилищ. Двери ее дома были всегда открыты. К ней часто приезжали воспитанники разных лет, студенты педучилищ и институтов.

Воспоминания о 1940—1944 годах

(из дневника Г. К. Калабалиной)

...В конце 1940 года Семену предложили принять детский дом с особым режимом в Москве, он был расположен в Сокольниках на 3-ей Гражданской улице. В декабре 1940 года мы переехали из Барыбино в Москву. Семен принял детский дом №60. Вместе с нами переехала в Москву группа ребят: Паша Прокопенко, Коля Фадеев, Леня Ко-

маров, Стасик Шаумян (племянник Бакинского комиссара Шаумяна) и воспитатели: Сухинина Лидия Александровна и Баранова Екатерина Гавриловна. В детском доме №60 воспитывались двести мальчиков, исключенных из московских школ. Дом был обнесен высоким забором, у входа была проходная с вахтером. Школа была своя, внутри детского дома. Директор был снят за развал работы. В детском доме царил настоящий хаос. Процветали карточные игры, воровство. Воспитателями работали случайные люди. Воспитанники и воспитатели представляли собой два враждующих лагеря. Все опять надо было начинать сначала. Квартиру мы получили тут же при детском доме – две комнаты и кухня, ванна и другие удобства, к которым, признаться, мы не привыкли. Леночку определили в массовую школу в третий класс. Школа была недалеко от детского дома. Галочка и Антоша оставались на попечении тети Марфуши.

Прежде всего Семен занялся комплектованием нового воспитательного коллектива. Пришли на работу молодые воспитательницы – выпускники Московского педучилища им. Ушинского. Большинство ребят были педагогически запущенные, отсутствовал коллектив, каждый жил сам по себе. Работа предстояла большая, трудная, но нам было к этому не привыкать. Семен со всей присущей ему энергией взялся за дело. Педагогический коллектив работал с полной отдачей. Вновь избранный Совет командиров, в который вошли и наши из Барыбинского д/дома ребята, стал хо-

рошим помощником. В детском доме были оборудованные мастерские, в которых ребята учились и выполняли производственные заказы. Вновь избранная производственная комиссия во главе с заведующим производством организовала соревнование между бригадами. Был объявлен категорический бой карточной игре. Жизнь в детском доме налаживалась. Мы впервые за долгие годы жили в большом городе, но работа и домашние дела не давали возможности часто бывать в театре, кино, просто в городе. С началом весны занялись оформлением территории детского дома. Во дворе были разбиты клумбы, а на зеленой лужайке, посреди двора выселили красные маки, которые очень любил Семен.

В середине июня, 15 числа к нам приехали Павлуша Архангельский (в «Педагогической поэме» – Александр Задоров) и Лидочка Колинцева, которые вот уже полгода как поженились. Встреча была радостной, мы давно не виделись, а они заехали к нам по дороге к новому месту назначения Павлуши. Мы не могли наговориться, вспоминали юность, колонию Горького, Антона Семеновича, а 21 июня мы все были приглашены на свадьбу Левы Салько (сын Галины Стахивны Макаренко). Все четверо поехали в Лаврушинский переулок на квартиру Макаренко. Встретили нас радушно, познакомились с молодой супругой Левы – Галей. Но, признаться, на свадьбе мы себя чувствовали не очень уютно. Там было много «знатных» людей, совсем незнакомых нам. Галина была дочкой генерала Смирнова – начальника АХО

НКВД СССР. Все было на широкую ногу, и мы чувствовали себя не в своей «тарелке». Сидели с краю и искали удобный случай, чтобы уйти. Часа в 2 ночи мы ушли домой. Я так поздно никогда не была на улицах Москвы, и она нам показалась необыкновенно величественной, великолепной в своем ярком убранстве, сияющая огнями. Не знали мы тогда, что это была последняя, на долгие годы, ярко освещенная Москва.

На следующий день – 22 июня – мы встали попозже. Всей большой семьей сели завтракать. На следующий день Архангельские должны были уезжать. Мы мирно разговаривали, обсуждали вчерашний вечер. Строили планы на следующие встречи, собирались в следующем году вместе отдохнуть. Настроение у всех было отличное, ничто не предвещало плохого. И вдруг мы услышали позывные радио, а затем голос диктора Юрия Левитана: «Внимание, внимание! У микрофона выступает Вячеслав Михайлович Молотов». Тревожное чувство охватило всех. И вдруг страшное слово – «война»! Враг вероломно напал на нашу страну. Все погасло, померкло вокруг. Что будет! Что нас ждет? Павлуша немедленно пошел в Райвоенкомат и получил назначение на фронт. Лидочка в тот же день уехала в Харьков. К вечеру Москва погрузилась в полную темноту. На улицах царило напряжение. У военкоматов толпились люди. В ночь на 24 июня по радио была объявлена тревога, но она продолжалась недолго, через 2 часа все успокоилось. Посадив детей в ванную комнату,

мы с Семеном побежали в детский дом, чтобы успокоить ребят. На станциях метро в Москве были организованы бомбоубежища, куда во время тревоги отправляли людей. А детей и стариков отправляли в бомбоубежища каждую ночь. Началась эвакуация из Москвы детских учреждений, учебных заведений, оборонных предприятий. Эвакуировали училище, в котором учились Валя Удальцов и Миша Голобородов. Понемногу стали уходить на фронт наши сотрудники-мужчины. Ушли на фронт физрук Николаев, завуч Земас, и мне было предложено занять должность завуча.

В июле Семена вызвали в военкомат, домой вернулся с повесткой на фронт. На душе было очень тяжело, томила неизвестность, что ждет всех нас, но я понимала сердцем, что война – дело всего народа, и место Семена сегодня там, где он нужен. Враг подходил к Москве. Я осталась одна с четырьмя детьми: Павел Прокопенко (мы его усыновили), Леночка, Галочка и Антоша. Старалась всеми силами держать себя в руках, чтобы не расстраивать Семена и детей. Внешне спокойно собирала Семену рюкзак. На следующее утро мы с Пашей проводили его на Ярославский вокзал. Шел дождь. Семен сказал: «Знаешь, дождь – хорошая примета, значит, вернусь обязательно».

Возвращалась домой с тяжелыми думами. Надолго ли война? Что нас ждет? Куда судьба забросит Семена? Не подзревала я тогда, что Семен готовился к отправке в тыл врага. Он скрыл это от меня, и узнала я об этом только в 1944 го-

ду. Руководство детским домом было поручено очень легкомысленному человеку – завхозу Титову, и теперь все работы в детском доме легли на мои плечи. Нужно было поддерживать бодрость духа в коллективе работников и детей, обеспечивать дисциплину, нормальную работу в школе и в мастерских. Начались систематические бомбежки. В подвальном помещении детского дома мы оборудовали бомбоубежище, в которое на время воздушной тревоги выводили детей. Была организована бригада из числа сотрудников и старших детей, которые во время бомбежки дежурили на крыше – тушили зажигалки. В Москву начали поступать раненые с фронта, школу переоборудовали под госпиталь. Тетя Марфуша, боясь, что мы эвакуируемся, стала подыскивать себе место работы и ушла. Теперь старшие мои ребята, Паша и Леночка, смотрели в свободное время за Галочкой и Антошей. От Семена не было никаких вестей. Перед отъездом он мне сказал: «Будь мужественной, терпеливой, это поможет тебе перенести нашу разлуку. Я обязательно вернусь. А если тебе будет очень трудно – вот тебе телефон, позвони по нему, попроси тов. Василия и скажи, что ты жена Семена, он посоветует тебе как быть».

Весь мужской персонал ушел на фронт. На смену пришли молодые педагоги – выпускницы Московского педучилища. Мне предложили принять детский дом.

Уходя на фронт, Семен Афанасьевич оставил ребятам письмо-напутствие, в котором призывал их учиться для

фронта, трудиться для фронта, отказывать себе для фронта. «Победим врага – придет сторицей, берегите детский дом, будьте хозяевами своей жизни, но жизни разумной», – писал он. Далее следовал большой список ребят, на которых можно было положиться как на первых помощников.

Мы обсудили это письмо на рапортах, и ребята приняли решение сделать все, чтобы быть достойными тех, кто ушел на фронт. Мастерские наши в эти дни получили новый оборонный заказ – изготавливали ящики для патронов и медальоны для солдат. И, конечно, ребята очень гордились своим первым посильным вкладом в дело борьбы с врагом. Вечерами старшие дети вместе с воспитателями дежурили на крышах домов, сбрасывали вниз падающие на крыши «зажигалки».

И вот настал такой день, когда из Москвы стали эвакуировать детские дома, школы были преобразованы в школы-интернаты, и их эвакуировали в глубокий тыл. Предложили и нашему детскому дому готовиться к отъезду. Что же делать? Уехать – значит, потерять надежду получить от Семена весточку, как узнает, где мы? Уезжать из Москвы не хотелось, но и подвергать детей опасности было страшно. Бомбежки все усиливались, враг был на подступах к Москве. Я решила позвонить тов. Василию, посоветоваться. Набрала номер, он быстро ответил, я назвалась. Тов. Василий охотно согласился встретиться со мной, но мы не знали друг друга. Условились на следующий день в 10 часов утра встретиться

у цветочного киоска, что у метро «Кропоткинская». Я буду в синем костюме, синем берете, и в правой руке у меня будет газета. На следующий день в 9:30 я подошла к киоску и похолодела... У киоска стояла женщина в синем костюме, синем берете и в руке держала газету. Мы простояли у киоска до 10 часов, никто к нам не подошел. Расстроенная я поехала домой, больше по этому телефону на мои звонки не отвечали.

С утра 16 октября 1941 года в Москве началась паника, закрылись учреждения, не работало метро. К вечеру потоки машин с людьми и грузами двинулись за город, – был страшный день, упорно шли слухи, что немцы уже в Химках. Заволновались и сотрудники. Что же будет с нами? Второй день не приходил в детский дом директор Титов, и со всеми вопросами обращались ко мне. Я отправилась в Мосгорно, пешком из Сокольников на Арбат. Это далекий путь. Когда пришла в горно, застала страшную картину: люди увязывали пачки, все было разбросано. В коридоре я встретила человека в черном полушубке. Это был директор Барыбинского детского дома Белогрудов. Только два наших детских дома оставались неэвакуированными. Мы пошли к заведующему горно Орлову. Выслушав нас, он немедленно вызвал к себе зав. сектором детдомов Р. Е. Орлову, дал ей поручение срочно выяснить вопрос об эвакуации наших детских домов. К вечеру я вернулась домой, как могла, успокоила своих коллег. На следующий день паника в городе прекрати-

лась, а те руководители предприятий и учреждений, которые на машинах бежали из Москвы, были возвращены. Вскоре мы получили официальное извещение-распоряжение Моссовета о подготовке к отъезду.

Позвонила Галина Стахивевна Макаренко и сказала, что эвакуируется в Куйбышев. Предложила взять с собой Леночку, но та категорически отказалась: «Ты что, мама! Я никуда от вас не поеду, все будем вместе. Мы с Пашей будем тебе во всем помогать, мы так обещали папе». Мне и самой не хотелось расставаться с ними, ни с кем из детей, но предложить я должна была им, чтобы потом не упрекать себя. Я была счастлива, что мы все вместе, что у меня хорошие, отзывчивые дети.

Через несколько дней совершенно неожиданно на пороге дома появилась Оля (она работала в Виннице). Измученная, с тремя детьми: Ниной семи лет, полуторогодовалым Игорем, грудным младенцем – и узелком вещей в руках. Оказалось, что их куда-то эвакуировали, хотя часть пути они шли пешком. И вот когда их состав проезжал по Окружной дороге под Москвой, она сбежала с поезда на остановке, хотя это было категорически запрещено, и с огромным трудом добралась до нас. Дети были до предела измучены. Помыли их, накормили, уложили всех спать, а сами пошли в Гороно, просить для Оли назначение на работу и включить ее с детьми в список эвакуированных работников детдома.

Семья моя теперь увеличилась вдвое. Сборы детского до-

ма продолжались неделю. Нужно было упаковать обмундирование, заготовить питание, составить описание имущества, которое оставляли в Москве. 20 ноября нам сообщили, что отправляется наш эшелон завтра... Дорога была трудная, периодически бомбили, не всегда можно было достать воды. По дороге к нам в вагон сели три офицера, которые после госпиталя ехали по направлению домой, очень участливо относились к нашим ребятам. Старались, чем могли, нам помочь... Вечером разговорились с одним подполковником, он читал «Педагогическую поэму» и когда узнал, что я жена Карабанова, любимого его героя, стал расспрашивать о Семене. Я показала ему фотографии Семена, которые всегда были при мне как талисман. Он внимательно посмотрел и сказал: – Посмотрите, так это же Семен Калабалин! Я с ним в 1926 году вместе служил в 74-м полку в г. Ярьське Полтавской области.

Именно там проходил Семен обязательную службу, это я знала. После этого он активно включился в нашу жизнь и до самого Челябинска помогал нам во всем.

27 ноября мы прибыли в Свердловск. Здесь нам предстояла пересадка, надо было все перегрузить в другие вагоны. Это было очень сложно, но и тут нам помогли наши заботливые попутчики. Они обнаружили на станции воинский эшелон, и солдаты помогли нам перегрузиться. 30 ноября мы прибыли в пункт назначения – город Челябинск. Эвакопункт был битком набит народом. Мы разместились в одном

уголке. Накормив за столько дней езды ребят горячей пищей в столовой и оставив их на попечение воспитателей, я поехала за направлением в Челябинский областной отдел народного образования. Направили наш детский дом в город Катав-Ивановск.

Вечером нам дали два товарных вагона, в которых были оборудованы деревянные полки. В них мы и начали грузиться. Все надо было делать очень быстро, т. к. состав, к которому прицепили наши вагоны, отправлялся через два часа. С трудом успели погрузиться, меня ребята втащили в вагон уже на ходу. В теплушке сидели, как селедки в бочке, тесно прижавшись один к другому. На руках у меня дремал Антоша, повернуться было трудно – отекли руки и ноги. Посреди вагона топилась печурка – «буржуйка». На остановках старшие мальчики выскивали дров, угля и подбрасывали в печурку. Набирали снег, топили, чтобы напоить ребят. Под утро заболел Олин малыш, вдруг у него начались судороги. Я не знала, чем помочь Оле. Я взяла ребенка на руки и с ужасом обнаружила, что он мертв. Это было очень страшно. Как успокоить мать, не создать паники среди остальных? Плохо чувствовал себя и другой мальчик у одной воспитательницы. По-видимому, он отравился газом от печурки, которую топили углем. Я всю дорогу крепилась, а вот когда подъезжали к Катаву, мои нервы не выдержали, стало страшно. Куда мы едем? Мне показалось, что это тупик – край света. На дворе 40 градусов мороза. Одеты все по-московски,

для такой зимы не подготовились. Но вот поезд остановился. Кто-то открыл дверь нашего вагона, вошли люди. Стали брать детей, усаживать их на повозки-сани, которые стояли у состава. Нас ждали и встречали местные учителя, несмотря на ночное время. Сразу окружили нас заботой, теплом. Кто-то спросил:

– Где здесь младший Антон Семенович? Давайте его сюда!

И у меня забрали Антошу. Взяли они из рук Коли Фадеева и мертвого Олиного сына. Прямо с вокзала нас повезли в хорошо натопленную баню. Какое это было блаженство – после 2-х недель дороги раздеться и помыться! Как-то сразу отошли все кошмары дороги. Потом нас разместили в школе. Было уже 5 часов утра. Мы уложили детей спать, а сами занялись хозяйственными делами. Утром нас приняли руководители города, показали нам дома для наших детей, разобрали по квартирам работников. Мне дали комнату в одном из корпусов бывшего медучилища на втором этаже. В ней мы расположились: я с четырьмя детьми, Оля с Ниной и Игорьком.

Через два дня прибыл еще один эшелон ребят. В этом эшелоне, отправленном из Москвы еще 12 ноября, находилась часть продуктов, оборудование мастерских, половина ребят и обслуживающего персонала, два воспитателя. Очень много трудностей пришлось нам пережить в первое время. Ребята в дороге разболтались, особенно из первого эшелона.

Размещались все дети в пяти корпусах в разных концах города. Учились в своей, закрытой школе для детского дома с особым режимом. В школе было холодно, а дети были плохо одеты.

Трудная дорога расшатала дисциплину, начались срывы у отдельных ребят. Мы понимали необходимость срочного приобщения к общественно-полезному труду. С помощью районных организаций мы оборудовали мастерские, в которых ребята под руководством инструктора изготовили сельхозинвентарь для предстоящих весенних работ. И когда их первая продукция появилась на прилавках города, это было их гордостью.

Стали приходить письма с фронта от наших бывших воспитанников, работников. На вечерних рапортах мы их читали: вот Федя Крещук на своем истребителе сбил три вражеских самолета. А что сделали мы за это время? Провинившиеся опускали глаза. На вечерних рапортах ребята рассказывали о положении на фронтах, о героических делах наших воспитанников, подытоживали свою жизнь за день.

А вечером, после напряженного рабочего дня, я снова и снова обращалась к Антону Семеновичу за советом, перелистывала его статьи, книги, письма и всегда находила нужный ответ.

Вот вроде бы все стало хорошо и вдруг в детском доме появились карты-самоделки (а это большой бич). Уничтожили колоду, назавтра появилась новая, еще лучше нарисованная,

и так несколько дней. И, наконец, я узнаю: карты рисует Толя Мельник. Мальчик умный, способный. Разговоры ни к чему не привели. Тогда однажды я обратилась к нему с просьбой сделать иллюстрацию к очерку в газету. Потом проиллюстрировать доклад на тему: «Борьба наших партизан в тылу врага». Толя все исполнил очень хорошо. А потом мы решили для своей библиотеки выпускать «книжки-малышки», составленные из газетных очерков. Ответственность за эту работу возложили на Толю, и он с любовью красочно оформлял их. На областной выставке детского творчества они получили высшую оценку. Внимание Толи, его способность к рисованию были переключены на полезное дело. Карты перестали появляться. Он сам о них теперь вспоминал со смехом.

Подходила весна, предстояло много работы. Мы собрали совет командиров. Создали сводные отряды по заготовке дров, сена, полеводческим работам в своем подсобном хозяйстве и в колхозе. Во главе каждого отряда стоял командир. К каждому отряду был прикреплен воспитатель.

В июне все ребята разъехались на участки своих работ. Жили в палатках, шалашах. Сами по очереди готовили. Тут же в палатках находились продукты, но никто, кроме дежурного к ним не прикасался. Вечером после работы у костра пели песни, рассказывали, вспоминали, мечтали. Я периодически приезжала то в один, то в другой отряд, привозила почту, газеты и радовалась, как мужали ребята. За лето ре-

бята окрепли физически и морально.

Мы написали ходатайство в Челябинское Облоно о снятии с нашего детского дома марки «особого режима». Районная организация нас поддержала.

В сентябре 1942 года нам прислали первое пополнение девочек, и впервые наши ребята пошли в массовую школу. Теперь у старших прибавилось забот. После школы ходили ухаживать за ранеными, давали концерты в госпитале, в клубе. В свободное время помогали в эвакуации предприятий.

В ноябре 1942 года в торжественной обстановке была создана своя пионерская дружина, а затем и комсомольская организация.

Совет командиров, пионерская дружина, комитет комсомола теперь уже были крепким оплотом. В октябре 1943 года Облоно проводило итоги социалистического соревнования детских домов Челябинской области, а их было около 80-ти, и моему Катав-Ивановскому детскому дому №60 Мосгорно было присуждено переходящее Красное знамя. Это была награда за большой труд всего коллектива, который уверенной поступью шел вперед, опираясь на мудрое наследие А. С. Макаренко.

Свыше пятисот человек за это время вышло из детского дома. И все они нашли свое нужное место в жизни, стали прекрасными работниками, заслуженно считают себя внуками А. С. Макаренко и в своей практической работе на самых разных участках руководствуются его идеями.

Не было никаких вестей от Семена, а как мне нужна была в то время хоть маленькая весточка! Потом начали приходить письма с фронта от летчика-истребителя Феди Крещука, Толи Мира, Бориса Тайманова. Добрые, теплые, сыновьи письма, в которых они убеждали меня, что отец жив, обязательно вернется, и мы будем вместе. Жить было трудно, зарплата была небольшая, да и деньги ничего не стоили. На свою зарплату я могла купить на рынке одну буханку хлеба, правда, я еще получала красноармейское пособие на детей – 150 рублей. И вдруг мне пришел офицерский аттестат на 400 рублей в месяц как матери Феди Крещука. Это было большое подспорье...

Несмотря на то, что от Семена не было никаких вестей, у меня и у детей была крепкая уверенность в том, что Семен жив и обязательно вернется с Победой. Наверное, это и давало силы преодолеть все трудности. Я вела дневник, в который записывала ежедневно итоги рабочего дня, писала все, что волновало меня. В этом дневнике я мысленно разговаривала с Семеном, советовалась с ним, рассказывала о своих огорчениях, обидах, радостях. И мне становилось легче.

Что поддерживало меня еще? Очень хорошие стихи К. Симонова, хорошие статьи в «Комсомольской правде» корреспондента Лидина. Они придавали силы. Особенно дорого было стихотворение К. Симонова «Жди меня». Мне казалось, что это слова Семена, обращенные ко мне, и я написала ответ на стихотворение, обращаясь к Семену – это было

23/Х – 1942 года.

Жду тебя

*Жду тебя, хороший мой,
Очень крепко жду.
Жду уральскую зимой,
Жду весной в цвету.*

*Жду, и дни бегут быстрее,
Гаснут вечера.
И со мной сегодня ждут
Все, кто ждал вчера.*

*Ждут по-прежнему друзья,
Всей душой любя.
Что ни делала бы я —
Это для тебя.*

*Снятся мне твои черты.
Где же ты теперь?
Напиши, когда же ты
Постучишься в дверь?*

*Верю, ты придешь опять —
Ласковый, родной.
Милый, я умею ждать,
Как никто другой.*

Отсутствие писем от Семена наводило меня на мысль, что он не в действующей армии, а в тылу врага, партизанит. В это время в газетах сообщалось о делах партизанского отряда под командованием «К». Мы решили, что это Семен, и следили за каждым его шагом. Эти предположения рухнули, когда узнали, что партизан «К» – Ковпак...

Жить в одной комнате двум семьям было очень трудно. Паше и Леночке нужно было заниматься, а четверо малышей шумели, да и буквально повернуться было негде. Поэтому Оле с детьми устроили комнату в корпусе младших ребят. И теперь можно было расположиться попросторнее. Оле там было спокойнее. Теперь еще большая нагрузка по уходу за младшими легла на Пашу и Леночку. Жили старшие мои очень дружно. Паша во всем помогал Леночке, и они тщательно оберегали меня от лишней домашней работы, а если замечали, что у меня плохое настроение, старались развеять его. Оба они учились хорошо. Начала готовиться к школе и Галочка. Антошик был общим любимцем в семье, о нем заботились все. Он был очень ласковый, никогда не капризничал. В детском доме жизнь налаживалась. Начали работать мастерские. Хорошо работал Совет командиров. Наладился хороший деловой контакт с районными организациями...

Из Ленинграда совершенно неожиданно приехала тетя Варя – ее эвакуировали из блокадного города. И пришлось

приложить много сил, чтобы поставить ее на ноги, – так она была истощена. С приездом тети Вари мне стало намного легче. Все хлопоты по дому и присмотр за детьми в мое отсутствие она взяла на себя, а меня окружила материнской заботой. Теперь часто вечерами мои девочки-воспитатели приходили к нам, приносили с собой кто картошку, кто еще что-нибудь. Тетя Варя готовила скромный ужин, за которым мы коротали вечера.

Каждый день ходила на почту в надежде получить весточку от Семена. И вот однажды, перебирая конверты детских писем, я увидела почерк Семена. Не помня себя, прибежала домой. Я толком не прочитала адрес на конверте, но это была его рука, а кому, как не мне, он мог еще писать? Вскрыла конверт, вынула заветный листок... И застыла в недоумении, письмо было обращено не ко мне, а к Лидии Александровне Сухининой. Он обращался к ней: «Дорогая дочурка, как живешь? Как живет твоя начальница и ее дети и т. д.» Я прочитала адрес на конверте, письмо было адресовано Сухининой Л. А., а обратный адрес был – г. Горький, гостиница Центральная – Сухинину. Ничего не понимая, ощущая горькую обиду, я расплакалась. Тут пришел из школы Паша, внимательно его прочитал, а потом сказал: «Да Вы, мама, внимательнее прочтите, ведь он все обращается к Вам, только, по-видимому, отец не хочет или не может назвать Вашего имени, обращается просто к Вам». Успокоившись, я еще раз внимательно перечитала письмо и согласилась с Пашей.

Что с Семеном?

Разные мысли полезли в голову. Может быть, он тяжело ранен, лежит в госпитале, не хочет меня расстраивать. Дети и тетя Варя всячески успокаивали меня. Я взяла письмо и пошла в райком партии к В. И. Воробьеву, посоветоваться с ним. Я очень уважала этого человека и верила, что он даст мне самый верный совет, как мне поступить. Василий Иванович сказал, что после двенадцати ночи он может соединиться по прямому проводу с Горьким, связаться с гостиницей «Центральная». А если там нет, то с госпиталем. С трудом дождалась полночи, мое нетерпение разделила вся моя семья. Соединились с гостиницей «Центральная», там ни Сухинина, ни Калабалина не значилось, обзвонили все госпитали Горького, но и это было напрасно. Я очень расстроилась, решила любыми путями ехать в Горький, а сделать это было непросто, нужно было получить пропуск. Василий Иванович обещал помочь мне в этом. На днях должны будут из госпиталя отправлять выздоравливающих раненых, он обещал договориться с начальником госпиталя, чтобы меня назначили сопровождающей группу горьковчан.

Я немного успокоилась, пока шла домой. Когда я рассказала дома о своем намерении поехать в Горький, реакция была неожиданная. Дети, узнав о моих намерениях, взгрустнули. Старшие боялись за меня, дорога предстояла трудная, младшим не хотелось расставаться с мамой на такое время. И только тетя Варя успокаивала меня, что дома будет все

в порядке под ее наблюдением, дети будут под ее заботливым присмотром. Это я и сама знала. Ночью, когда все заснули, я взялась за свой дневник. Записала все пережитое за день. И мне показалось, что я поговорила с Семеном и спросила у него совета – ехать или нет. И тут же вспомнились слова из его письма: «Трудись, береги детей, сохрани их здоровыми до нашей встречи». Я подумала, а что если со мной что-нибудь случится в дороге, что станет с моими детьми, что станет с ребятами, доверенными мне государством в это трудное время? Ведь своим приездом в Горький я ничего не изменю, а здесь я очень нужна. «Нет, ехать нельзя!» – решила я. Утром я пошла в райком и сказала Василию Ивановичу о своем решении. Василий Иванович добро улыбнулся и сказал, что был уверен, что я приду к такому выводу, и еще раз постарался успокоить меня, что все будет хорошо. Снова начались дни работы, забот, ожиданий...

Воспоминания о 1953—1966 года*

(материалы предоставлены Д. Барсковым)

...В 1953 году Леночка (Елена Семеновна, 1930 года рождения, старшая дочь Калабалиных) окончила педагогический институт и была направлена на работу в среднюю железнодорожную школу в город Коростень Житомирской области. Мы, конечно, очень волновались за ее первые педаго-

гические шаги, ведь они всегда бывают сложными, тем более что она человек добросовестный и требовательный к себе. К счастью, в школе, где она начала свою работу, был очень хороший директор, который уделял большое внимание молодым учителям, ободряя их, внушая им уверенность в своих силах. Мы с Семеном несколько раз ездили к ней, радовались, что она постепенно стала находить себя, обрела уверенность, свой стиль работы.

Заканчивала учебу в 10-м классе и Галочка (Галина Семеновна, 1935 года рождения, младшая дочь Калабалиных), в июне 1954 года она сдавала выпускные экзамены. Школу окончила на «4» и «5». Мечтала поступить в педагогический институт. Между прочим, ее класс состоял в основном из воспитанников детского дома (Мотовиловского). И мы договорились со школой провести выпускной вечер в детском доме. На протяжении всех лет, что я работала в детском доме, я вела дневник индивидуальных наблюдений за своими воспитанниками, куда вносила все самое важное. Это помогало мне узнать лучше личность каждого воспитанника, найти необходимый подход к нему. Ребята это знали и часто просили показать. Я обещала, что на выпускном вечере это сделаю. Слово свое я сдержала. Ребята были поражены, что я знала о них то, о чем они никогда не подозревали. Выпускной вечер прошел тепло, весело, дружно. Территория детского дома была иллюминирована, на площадке около дома ребята танцевали, пели, играли, а потом мы все вместе

встречали рассвет. Галочка сдала документы в Киевский педагогический институт и стала готовиться к экзаменам.

В это лето поступил на работу в детский дом в качестве завхоза некий Вемс, начал работать старательно, но потом Семен стал замечать, что он нечист на руку, несколько раз был пойман с поличным. Семен издал приказ об освобождении его с работы. И тогда тот начал писать письма в разные инстанции, обливая Семена грязью. Началось расследование в районной прокуратуре. На меня все это произвело сильное впечатление, я свалилась с микроинсультом и пролежала в постели почти два месяца. Следствие отдали совершенно неопытному следователю. В ходе следствия Вемс повесился в лесу, это еще больше осложнило дело. В расследование вмешалась областная прокуратура, были привлечены работники контрольно-ревизионной службы, которая в конечном счете и установила, что все написанное является клеветой. Семена ни в чем не обвинили, но пережить все это стоило ему и мне много здоровья. В это время Галочка сдавала экзамены в институт. Сдала два экзамена на «5», два на «4» и не прошла по конкурсу. Семен подал заявление об уходе с работы и перешел работать начальником пионерского лагеря при геологоразведочном институте. Я пока осталась работать в д/доме. Настроение было отвратительным. В сентябре 1956 года ушла из детского дома и я. Расставаться с ребятами было трудно, очень я к ним привыкла, да и они ко мне.

Я понимала, что работа наскоком по ходу не удовлетворя-

ла Семена. Он как-то совсем упал духом. И я решила взять инициативу нашей будущей судьбы в свои руки. Я поехала в Москву, чтобы обратиться в Министерство просвещения с просьбой дать Семену работу в Российской Федерации. В Москве я остановилась у Фриды Абрамовны Вигдоровой, которая приняла меня как родную. «Известия» напечатали статью Вигдоровой о клевете на Семена, об этой тяжелой для нас истории. Конечно же, статья очень поддержала нас морально. На следующий день после приезда в Москву я пошла к президенту Академии педагогических наук Ивану Андреевичу Каирову. Иван Андреевич доброжелательно принял меня, выслушал и позвонил в Министерство просвещения РСФСР заместителю министра Дубровиной, рассказал ей все, на что она ответила, что хорошо знает Калабалина по довоенной работе и верит ему. Назавтра я была у Дубровиной. Выслушав меня внимательно, она пригласила к себе начальника Управления детскими домами т. Скробова и познакомила меня с ним. Я сказала ему, что мы готовы ехать работать в любую область России. Скробов улыбнулся и сказал, что мы заслужили право работать в Московской области. Он дал мне письмо начальнику Управления детскими домами Московской области т. Евсееву. На следующий день я была уже в Мособлоно. Прочитав письмо, Евсеев сказал, что я могу спокойно ехать домой, через две недели он пришлет вызов. Я не верила своему счастью, тому, как быстро и хорошо все обернулось, а когда я собиралась

ехать, Семен не верил в удачу. Антоша (Антон Семенович, 1939 г.р., младший сын Калабалиных) к тому времени перешел в 10 класс. Отдавать его в русскую школу нам не хотелось, ведь 6 лет он учился на Украине, и его забрала к себе в Коростень Леночка. Конечно, нам тяжело было его оставлять, зная, что и Леночке будет сложно, потому что и мы не могли им первое время ничем помогать материально.

В конце ноября мы получили вызов, и 25 ноября 1956 года, отправив контейнер, мы с Семеном и Галочкой двинулись в дорогу. В Москве мы остановились в маленькой квартирке Фриды Абрамовны Вигдоровой, где всем нам хватило места. На следующий день Семен пошел в Мособлоно (Московский областной отдел народного образования) за направлением. Назначение получил в Егорьевский район – директором Клемёновского детского дома. Назавтра Семен уехал принимать детский дом, а мы с Галочкой остались у Фриды Абрамовны. Примерно через неделю мы получили письмо от Семена, в котором он нам сообщал, что детский дом принял, в ближайшее время пришлет машину за вещами.

Подробно описал, как надо ехать от Москвы до Егорьевска, а потом в Клемёново. 19-го декабря с утра приехала машина, и мы с Галочкой поехали на Киевский вокзал получить контейнер с вещами. Оказалось, это дело сложное. Сначала никак не могли найти дежурного, потом не могли разыскать контейнер, пока нам не подсказали, что надо дать дежурному 30 рублей и тогда все сразу найдется. В 6 часов

вечера мы, наконец-то, получили вещи, погрузили их в машину, отправили в Клемёново, а сами решили ехать завтра поездом. Мы выехали 20-го декабря в 9 часов утра. Рабочий поезд шел до станции Воскресенск, там была пересадка на поезд Воскресенск – Егорьевск. К 12-ти часам дня мы были в Егорьевске, где на вокзале нас встретила грузовая машина, которая и доставила нас в Клемёново.

После зеленой, утопающей в садах Мотовиловки, Клемёново нам показалось серым, мрачным. Да к тому же, несмотря на то что стоял декабрь месяц, вместо снега была непролазная грязь. И сама местность, и старый купеческий дом, где жили дети, производили тяжелое впечатление. Все было как-то серо и грязно. Комнату нам дали лучшую в рабочем корпусе детского дома. Здесь же располагались учебные комнаты воспитанников, зал, изолятор, библиотека, кабинет Семена, внизу, в полуподвале, – столовая. Конечно, никаких удобств не было, кроме парового отопления. Котельная размещалась в подвале дома. После мотовиловской квартиры эта квартира, а вернее сказать комната, нас огорчила, но мы были рады, что при любимом деле. Особенно рада я была за Семена, который в последнее время как-то совсем упал духом. Обстановка в детском доме была совершенно нездоровой. Большая группа воспитанников находилась в бегах, совершенно отсутствовали признаки организованного коллектива. Старшие ребята избивали младших. Несколько воспитателей подали заявления об уходе с работы. Семен дол-

го не мог принять детский дом, поскольку сначала никак не могли обнаружить директора, затем бухгалтера. К нашему приезду Семен уже принял д/дом и приступил к работе. Провел общее собрание с детьми, поставил перед ними задачи на ближайшее время, чтобы улучшить жизнь. Уже было создано детское самоуправление – Совет командиров, созданы комиссии – санитарная, культурно-массовая, производственная, введены дежурства по детскому дому отрядов во главе с командиром и воспитателем.

С воспитателями провел педсовет, на котором рассказал о новой форме работы с детским коллективом, основанном на доверии и уважении к личности воспитанника. Надо сказать, что воспитатели с радостью приняли все новое и дружно включились в работу, они и сами устали от отсутствия руководства, да и детям надоела неорганизованность. Но предстояло решить еще много вопросов. Необходимо было срочно приобрести обмундирование, мебель и прочее. Надо сказать, что Семен всегда был за то, чтобы у ребят в детском доме были друзья из числа студентов, рабочих шефствующих предприятий.

Первыми нашими друзьями стали группы студентов МАИ, педагогического института им. Ленина, областного пединститута им. Крупской и высшего технического училища им. Баумана. По инициативе студентов-«педагогов» они создали Сводный отряд и сами, от всего сердца предложили нам свою дружбу. Шефствовал над детским домом Его-

рьевский станкостроительный завод «Комсомолец». И с шефами тоже наладилась дружба. Жизнь в детском доме стала содержательно интересней. Ребята преобразились. Первого января 1957 года вышла на работу и я. Группа моя состояла из учащихся 6-7-х классов. Напарницей моей была воспитательница Голубева Клавдия Павловна, бывшая воспитанница Клемёновского детского дома.

Галочка стала работать в детском доме пионервожатой и начала готовиться к поступлению на следующий год в Коломенский педагогический институт. Конечно, у нас очень болела душа за Леночку и Антошу. Мы знали, что им живется материально нелегко, а в связи с переездом помочь им ничем не могли. Правда, они писали нам бодрые письма, в которых уверяли, что у них все отлично. Антон заканчивал учебу в 10-м классе.

На работе не все было гладко. Не всем понравились предъявленные к ним требования, установленный контроль. Возмущались тем, что приехал откуда-то к ним «урод» и наводит свои порядки. Горono, райком, которые первое время довольно часто посещали детский дом, присутствовали на собраниях детей и педагогов, – поддерживали Семена. Кое-кто не смирился с новыми порядками, подал заявление об уходе, но большинство перестроились в работе, в частности и те, которые до прихода Семена собирались уходить. Остались и работали хорошо. Вскоре в детском доме появились новые шефы – военная академия им. Куйбышева, комсомольская

организация ЦК КПСС. Первым командиром студенческого отряда стал Геннадий Лукашев – студент МАИ.

С наступлением весны перед коллективом стала задача – организация спортивного городка. Спортивная работа в детском доме совсем отсутствовала. Были оборудованы – футбольное поле, волейбольная и баскетбольная площадки, качели, карусель. Жизнь во дворе закипела. Одновременно начали готовиться к посевной компании. Были созданы из ребят сводные отряды. В течение учебного года Семен уделил большое внимание установлению дружбы, а также контактов с Саввинской средней и Клемёновской семилетней школами, в которых учились наши воспитанники. Воспитатели систематически посещали школы, присутствовали на уроках, учителя приходили в группы на подготовку уроков. Были заведены тетради связи со школой. Проводили совместные педсоветы, методсовещания. Все это очень сказывалось на повышении успеваемости детей. Конечно, мы с Семеном первое время чувствовали себя одиноко, все кругом были чужие. Далеко от нас были Леночка и Антоша. Понемногу, в работе, стали мы осваиваться в Клемёново. Мы никогда не умели стоять в стороне от жизни. Своей активной позицией, непримиримостью к хулиганам, нарушающим порядок, Семен скоро снискал уважение у селян. К нему стали приходиться за советом, за помощью в трудную минуту. На все нужды людей Семен живо откликался, да и к тому же укрепление дисциплины в детском доме располагало к нему людей.

В июне 1957 года Антоша окончил 10 классов и приехал к нам. Семену очень хотелось, чтобы кто-нибудь из детей стал медиком, но Антоша, как и девочки, решил стать педагогом, и они вместе с Галочкой стали готовиться в Коломенский педагогический институт: Галочка – на исторический факультет, Антоша – на индустриально-педагогический факультет. Летом 1958 года они сдали экзамены и стали студентами. Мест в общежитии для студентов I курса не было, и мы им сняли частную квартиру.

На летние каникулы приехала к нам Леночка. И хотя располагались все в одной комнате, когда собиралась вся семья, чувствовали себя хорошо, счастливо, как говорится, «в тесноте, да не в обиде». Осенью Леночка прислала нам письмо, что собирается выйти замуж и хотела бы переехать поближе к нам. Мы, конечно, с радостью пригласили их с будущим мужем к нам. В декабре 1957 года к нам приехали Леночка и ее муж – Валентин (Валентин Марьянович Филинский, 1929 г.р.). В канун нового 1958 года мы скромно отметили начало их семейной жизни. Из-за отсутствия жилплощади осложнился их вопрос с пропиской, и они вскоре уехали работать в село Уварово Владимирской области, где Леночке предложили место учителя-воспитателя в Уваровском детском доме. 9 сентября 1958 года у Леночки родился сын Саша – наш первый внук. Конечно, болела у нас душа за них, особенно за маленького Сашу, который во время работы родителей оставался один в кровати; не было там яслей, нель-

зя было найти няню. Когда Саше исполнился годик, мы забрали его к себе, он ходил в Клемёновские ясли, а вечером был с нами. Сашок очень скрасил нашу жизнь, прожил у нас 2 года. Он быстро подружился с ребятами д/дома, которые охотно с ним играли.

До 1964 года мы прожили в рабочем корпусе детского дома, без малых удобств, но мы этим не были избалованы, благо дома все хорошо. В 1959 году Уваровский д/дом был расформирован, и Леночка с Валентином переехали в город Кораблино Рязанской области, куда Леночка получила назначение старшим воспитателем в школу-интернат. В 1960 году у Леночки родился второй сын – Сенечка. В этом же году вышла замуж Галочка, училась она в это время на III курсе Коломенского пединститута. Вышла замуж за Юлия Кабардина – сына завуча д/дома Л. Г. Волковой. Галочка перешла на заочное отделение пединститута им. Ленина и переехала к Леночке в Кораблино, где стала работать пионервожатой в той же школе-интернате. Нас радовало, что девочки взялись с увлечением за работу и всячески творчески в своей практической работе использовали наследие А. С. Макаренко. Директор интерната Зыканов Игорь Николаевич поддерживал их. Девочки получили в городе квартиры, начали обживать. Семен помимо основной работы в детском доме вел большую общественную работу и у себя в районе, и по линии Всесоюзного общества «Знание», много выступал с лекциями, пропагандировал наследие А. С. Макарен-

ко. На последнем курсе института, в 1961 году на своей однокурснице Нине Трушко женился Антон. И так, все дети обрели свои семьи.

В 1963 году Антон окончил институт. И он, и его жена Нина получили назначение в школу города Загорск Московской области (ныне Сергиев-Посад). Осенью 1963 года Антона призвали в армию. Нина переехала к нам и работала у нас в д/доме воспитателем, кроме того, имела часы физики в Клемёновской школе. В 1963 году у нее родилась дочурка, но родилась преждевременно и прожила всего три дня. Конечно, для всех это было большим горем.

В 1961 году у Галочки родился сынишка – Миша. Надо сказать, что у Галочки с 8 класса болело сердечко – порок митрального клапана, – и рождение сына было для нее подвигом. А 26 января 1965 года Галочка родила дочку – Ирочку. Мы все были счастливы. У нас было три внука и внучка. Ирочка стала общей любимицей. В 1965 году вернулся из армии Антон, он служил в Таманской дивизии, и они с Ниной снова вернулись на старое место работы в Загорск. В 1965 году 8 августа у них родилась вторая дочурка, и они снова назвали ее Леной. Теперь у нас было три внука и две внучки. Так складывалась жизнь у детей, ну а мы продолжали работать.

Работа занимала много времени, и вечера особенно радовали нас общением с родными. Я забирала из яслей Сашу и, освободившись от дел, мы с Семеном занимались с ним.

В возрасте четырех-пяти лет Саша много ездил с дедом по стране и побывал в Пскове, Риге, Ленинграде. Саша был очень самостоятельный товарищ, и дедушка с удовольствием брал его с собой.

Вспоминаю еще одно. В 1961 году со мной случилась беда – я сломала ногу. Перелом был очень тяжелый, пришлось лечь в больницу. А через несколько дней воспалением легких заболел Сашок, и его тоже положили в Клемёновскую больницу. От меня это скрыли. Домой мы попали одновременно. Ходить с загипсованной ногой я не могла, и ухаживать за мной приехала Галочка с маленьким Мишенькой. Они прожили у меня две недели, потом ее сменила Нина. Как только я начала двигаться по комнате на костылях, мы с Сашей стали упражняться сами. Потом начала ходить с палочкой и сразу приступила к работе. Жили мы тогда в корпусе, поэтому много ходить не приходилось. Трудно было мне и потому, что во время моей болезни Семен лечился в санатории в Трускавце и вернулся, когда я уже ходила с палочкой. Летом 1964 года мы переехали в новую квартиру вновь отстроенного хозяйским путем трехквартирного дома.

О днях работы в Клемёновском детском доме я не буду подробно писать, так как об этом есть много документов в домашнем архиве. Хотелось только сказать, что все эти последние годы в Клемёново мы прожили очень счастливо, дружно. Пока было свободное время, занимались участком, посевными работами в огороде. Семен любил землю, ему очень

хотелось к приезду летом внучат вырастить фрукты, ягоды, овощи. И огород у него всегда был в образцовом порядке, и урожай был хороший. Летом собирались все внуки, было интересно и весело. Да и не только летом, но и на зимние каникулы ребяташки приезжали к нам. Все они очень любили Клемёново и считали его родным домом. Кстати, родились Саша, Сеня, Миша и Ирочка в Клемёновской больнице, всех их принимала наш большой друг – врач Полина Федоровна Ивина. К нам заглядывали и наши друзья – Павлуша Архангельский с Лидочкой, Ваня Колос, Петр Ледак. Конечно, приезжала Оля (Ольга Константиновна Паскаль, 1912 г. р. – младшая сестра Г.К.). Навещали нас и наши бывшие воспитанники: Митя Сладков, Виталий Навроцкий, Коля Фадеев, Валя Удальцов, Рая Скалий и др.

Семен много уделял внимания работе над книгой о своей жизни «Бродячее детство», которая вышла в свет в 1968 году. Издана была издательством «Молодая гвардия» в Москве под редакцией писателя Евгения Самойловича Рысса. Семен часто выступал со статьями на темы о воспитании в газетах и журналах. В 1963 году по приглашению органа народного образования Венгрии Семен посетил эту страну. Были у него там очень интересные встречи с учителями, студентами. В Венгрии его наградили Почетной грамотой. В 1964 году состоялась насыщенная встречами, лекциями, выступлениями поездка в Чехословакию. Были у него очень интересные встречи с преподавателями, которые в своей работе ис-

пользовали опыт А. С. Макаренко. Он умел горячо, красноречиво, темпераментно выступить. И мог держать аудиторию в рабочем напряжении столько, сколько ему надо было. Его выступления записаны на магнитную пленку и хранятся в архиве.

Воспоминания о 1967—1988 годах⁵

...В 1967 году мы с Семеном были приглашены Союзом учителей Болгарии посетить их страну. Десять дней, проведенные вместе в Болгарии, остались у нас в памяти, как какой-то чудесный, сказочный сон. Во-первых, мы впервые за 40 лет совместной жизни по-настоящему отдыхали вместе. Во-вторых, принимали нас очень радушно, тепло. Там мы увидели много замечательных красивых исторических мест, связанных с освобождением Болгарии от турецкого ига. В городе Плевна удивил красотой Скобелевский парк. Побывали на Шипке, на Витуни. Мы посетили много школ, детских учреждений и, что характерно, на столе каждого учителя мы видели «Педагогическую поэму» Макаренко и трилогию Вигдоровой на болгарском языке. Это были их настольные книги. Приобрели мы в Болгарии много настоящих друзей. Мы приняли участие 19 мая в празднова-

⁵ Калабалина Г. К. Фрагменты воспоминаний // Барсков Д. «Колокола Памяти: записки детдомовца». В 2-х кн. – Владимир: «Транзит-ИКС», 2014. – Кн. 2. – с. 261—267.

нии традиционного в Болгарии праздника, посвященного основателям славянской письменности Кириллу и Мефодию. Все это осталось в памяти на всю жизнь. Надо отметить, что в Болгарии уделяют большое внимание наследию А. С. Макаренко, хорошо знают Ф. А. Вигдорову.

В 1966 году в моей жизни произошло событие. Указом Верховного Совета Союза ССР я была награждена орденом Трудового Красного знамени. Это событие очень тепло отметили дома. В это время у нас гостили сестра Семена Мария с мужем Петром Ивановичем и внук Сенечка. Когда я приехала из Москвы, на столе стоял торт, все были в сборе и поздравляли меня. Получила я поздравления от друзей и организаций. Особенно радовались моей награде внучата.

В 1969 году Семену было присвоено звание «Заслуженный учитель РСФСР». Вся наша семья была счастлива, что большой самоотверженный труд был отмечен. В 1968 году киностудия Мосфильм готовила к выходу картину «Вчера, сегодня и всегда» по мотивам трилогии Ф. А. Вигдоровой. Семен был назначен консультантом кинофильма. Он несколько раз выезжал на съемки, которые проходили в Изюме и Ялте. Роль Карабанова исполнил артист Белорусского театра драмы Валентин Сергеевич Белохвостик, а роль Галины Константиновны исполнила артистка Минского драматического театра Любовь Румянцева. Валентин Белохвостик, готовясь к исполнению роли Карабанова, приезжал к нам, жил у нас, наблюдал за Семеном, за его работой, приезжала

и Люба Румянцева. В 1971 году картина была готова, обсуждение ее на художественном совете прошло успешно, и картина была принята. Очень жаль, что на просмотре не смогла быть Фрида Абрамовна, не дожила до этого дня (ум. 1965). Она была бы счастлива. На обсуждении фильма очень хорошо выступил Семен, его выступление вызвало одобрение и, думаю, сыграло немалую роль в целом. Возвращались мы с просмотра взволнованные, вспомнилось многое, что очень дорого нам. Прошла снова перед глазами наша молодость, начало нашей сложной, трудной, но кипучей жизни.

Закончился 1971 год. В детском доме налаженная жизнь шла своим чередом – и дисциплина, и успеваемость были на высоте. Совет командиров и комсомольская организация стали настоящими хозяевами своей жизни, и в успехах детского дома была большая их заслуга. Совет командиров возглавил ученик 9 класса Юра Николин, а комсомольскую организацию – Маша Рыкова. Большую помощь в культурно-массовой и спортивной работе оказывали наши друзья – студенты. Ребята работали на подсобном хозяйстве, в саду. Много времени Семен уделял физическому воспитанию. Ежедневная зарядка, занятия в спортивных секциях. Районные организации с большим вниманием и дружелюбием относились к детскому дому. По Московской области детский дом считался одним из лучших. И это, конечно, было результатом большого, кропотливого труда педагогического коллектива под руководством Семена. Он был полон рабо-

чей энергии. В 1972 году мне было присвоено звание «Заслуженный учитель РСФСР». И дома у нас было все хорошо. Мы радовались успехам в работе наших детей – Лены, Гали, Антона. Подрастали внуки, но, как и прежде, все праздники проводили у нас. Прибавилась семья и у Антона – родился сын Семен. Каждый приезд внуков на каникулы или праздник был для нас всегда большой радостью.

Весной 1972 года Сашок, тогда ученик 7 класса, договорился с нашим воспитанником Андреем Мешковым после окончания учебного года поехать с ним в археологическую разведку. Дома это решение одобрили, и он с радостью готовился к этой поездке. Но когда в начале июня подошло время отъезда, Семен почему-то стал его уговаривать не ехать, но Сашок все-таки упросил дедушку, и тот согласился. 10 июня Семен сам проводил Сашу и Андрея до Воскресенска. Год этот был очень жаркий. Шли экзамены в 10-м классе. Ребята работали в совхозе на прополке свеклы. Семен с утра до вечера с ними на грядках. 17 июня я была дежурным воспитателем, день был субботний, очень жаркий. Часов в 7 вечера Семен пришел домой очень усталый, истомленный жарой. Он принял душ, немного отдохнул, а потом снова пошел в детский дом. После ужина, отпустив всех воспитателей домой, разрешил ребятам старшим посмотреть интересный фильм по телевизору и остался с ними.

Я пришла домой, убралась, приготовила ужин, выкупала Ирочку, которая была у нас. В 10 часов пришел Семен и ска-

зал, что ему очень плохо, нездоровится, и лег спать. К утру он почувствовал себя еще хуже. Я позвонила Полине Федоровне, и она через полчаса приехала. Осмотрела его и высказала подозрение, что у него аппендицит, но дело было в воскресенье, да к тому же День медицинского работника, и Семен упросил ее подождать до понедельника. День прошел благополучно, но к ночи опять стало хуже. Я вызвала «скорую помощь», которая увезла его в больницу. 19/VI Семена оперировали, его положили на операционный стол в 9 часов утра. Операция длилась три часа, в 13 часов я была у Семена в палате. Он был очень слаб, лежал с капельницей, но бодрился, пытался шутить. К вечеру приехали Леночка, Галочка и Антон, дали телеграмму А. А. Пустовойтенко, которая после возвращения с Урала работала в городе Калининграде Московской области председателем горисполкома.

По очереди мы дежурили у его постели, а ночью он ни за что не хотел, чтобы мы оставались. В пятницу 23 июня утром я застала его в хорошем настроении, впервые он сам умылся. Врач разрешил сварить ему компот из наших ягод и сказал, что если так пойдут дела, то скоро можно будет готовиться к выписке. А в 17 часов он потерял сознание, и ни вызванный мной из Москвы врач, ни наши врачи ничего не смогли сделать. Поднялась температура, он был парализован – жило только сердце и жило еще 24 часа. Всю ночь я не отходила от него, утром приехала Александра Андреевна Пустовойтенко. 24 июня в 18 часов Семена не стало. Умер он

тихо, спокойно. Около него были мы с Александрой Андреевной. Огромное непоправимое горе нашей семьи разделили с нами наши родные, друзья, воспитанники, жители Клемёново и Егорьевска. В последний путь Семёна проводили сотни людей. В Егорьевске на центральной Советской улице остановили движение, пока проходила процессия. Гроб Семёна внесли на кладбище на поднятых руках. Много добрых слов было сказано на гражданской панихиде в Доме учителя, где егорьевцы прощались с Семёном.

Мне показалось в эти дни, что моя жизнь закончилась, я никого и ничего не видела, не замечала. Какое-то страшное опустошение охватило меня. Первое время со мной оставались Леночка и Галочка. Все их усилия вывести меня из шокового состояния были тщетны. Но, наверное, жизнь устроена так, что человек с Божией помощью выносит все и находит в себе силы справиться с самыми трудными бедами, горестями, и снова находит смысл в жизни, когда рядом близкие, дорогие сердцу люди – дети, внуки, ради которых хочется жить!

Через две недели после смерти Семёна меня вызвали в Мособлоно и предложили принять детский дом. Признаться по совести, я боялась дать согласие, но мысли о том, что дело Семёна может попасть в чужие руки, к человеку, который не продолжит традиции, заложенные в детском доме, взяли верх. К тому же, когда я на Совете командиров посоветовалась с ребятами, они все обещали мне помогать, поддер-

жал меня и коллектив работников. Так во второй раз в жизни мне пришлось продолжать дело, начатое Семеном. Продолжая дело Семена, ежедневно соприкасалась с документами, книгой приказов, личными делами, корреспонденцией, которые он вел. Я как бы всегда чувствовала его рядом с собой. Коллектив детей и сотрудников помогли мне во всем. Ребята учились с таким старанием, хорошо трудились, старались ничем меня не огорчать. Как и прежде, приезжал Сводный студенческий отряд. Жизнь шла своим чередом.

В августе 1973 года Семену должно было исполниться 70 лет, и ребята решили провести в этот день слет бывших воспитанников, посвященный 70-летию Семена и 50-летию детского дома. Был создан организационный комитет, который возглавил Андрей Мешков. Был разработан план проведения слета. По всем группам провели чтения книги «Педагогическая поэма» и трилогии Ф. А. Вигдоровой. Большую помощь в организации и проведении слета оказал нам комсомол: от Егорьевского района во главе с первым секретарем Федором Демидовым, от ЦК ВЛКСМ во главе с его секретарями Б. Н. Пастуховым и З. Г. Новожиловой. В работе слета приняли участие большая группа воспитанников разных лет, все наши семьи, соратники, друзья. На слете присутствовали секретарь ЦК ВЛКСМ З. Г. Новожилова (затем – посол в Швейцарии), зав. секций д/домов К. П. Пузицкий, представители городских организаций. Были и друзья Семена, «горьковцы» – Ваня Колос, Коля Лапотецкий, А. С. Со-

ловьев. К слету воспитанники выпустили рукописный журнал воспоминаний о Семене, была зачитана слету памятка.

Вторым замечательным, добрым событием этого года – дань уважения памяти Семена – была постановка в театре Ленинского комсомола спектакля «Колонисты» по мотивам «Педагогической поэмы» А. С. Макаренко, посвященного С. А. Калабалину. Написал сценарий и поставил его режиссер Ю. А. Мочалов. Роль Карабанова прекрасно сыграл молодой талантливый актер Николай Караченцов. Он настолько хорошо понял Семена, настолько очаровательно передал его образ, что когда я смотрела спектакль, то забывала, сколько мне лет, где я живу. Я вновь переживала свою очень трудную, но очень дорогую мне молодость. Я ходила в театр на свидание с Семеном, как бы советовалась там с ним мысленно. Мы посетили этот спектакль всей семьей, и у всех остались самые добрые воспоминания. Просмотрели его и все наши воспитанники детского дома.

Жизнь входила в свою колею, детский дом жил планами на будущее. И вдруг нам сообщили, что небольшие д/дома будут ликвидированы. Это, конечно, очень осложнило работу сотрудников. Волновала их судьба, и ребята не хотели расставаться с детским домом, который стал для них родным. Несмотря на хлопоты районных организаций, шефов, в 1975 году д/дом был расформирован. Я ушла на заслуженный отдых, мне установили персональную пенсию республиканского значения. Так закончилась моя официальная тру-

довая жизнь. 26 августа 1980 года ждала Сашеньку, даже не верила, что наш Саша уже отслужил армию и стал взрослым человеком, для меня он еще оставался маленьким внуком.

И вдруг 30 сентября 1980 года новое горе обрушилось на меня. Совершенно неожиданно скоропостижно скончалась Галочка. Это было страшно. Молодая, энергичная, очень нужная детям, она вчера давала очередной урок истории в школе, вечером оформляла свой кабинет, а в 4 часа утра отказало сердечко. Ее любили ученики, ценили родители. Провожал ее в последний путь весь город. Много добрых, теплых слов было сказано в ее адрес. О том, что пережила, писать не буду, слишком тяжело. Теперь надо было жить для Ирочки, заменив ей по возможности маму. Решила: пока она не окончит 10 классов (а она училась в 9-м классе) переехать к ней в Кораблино. Два года мы с ней прожили дружно, мне с ней было легко. Она очень мужественно переживала свое горе. Очень берегла дома все мамины традиции. Каждый день к нам заходила Леночка, заботилась о нас. Теплые письма Ирочке писала Леночка Калабалина. Миша жил в Ленинграде, учился на третьем курсе Технологического института. Приезжал к нам на каникулы. Раз в месяц я ездила в Клемёново, навещала свой дом, получала пенсию.

В 1981 году отслужил и вернулся из армии Сенечка. Все старались окружить Ирочку вниманием, заботой, помогали ей справиться с ее горем. В 1982 году Ирочка окончила

10 классов и поступила в Рязанский педагогический институт на исторический факультет. Я вернулась в свое Клемёново, снова окунулась в работу. Много ездила с лекциями, встречалась с педагогами, студентами, учащимися, делилась своими воспоминаниями об А. С. Макаренко, рассказывала об использовании его опыта в нашем д/доме. Занялась архивом Семена, работала в Совете ветеранов при Егорьевском горкоме комсомола, в комиссии по делам несовершеннолетних при горисполкоме.

В 1983 году Семену исполнилось бы 80 лет. Ребята, бывшие воспитанники, обратились в Егорьевский горисполком и горком ВЛКСМ с просьбой провести II слет бывших воспитанников, посвященный 80-летию Семена. Нам пошли навстречу. Был создан подготовительный оргкомитет, который возглавил первый секретарь горкома комсомола С. И. Семенов.

Клемёновскую восьмилетнюю школу тогда возглавлял Борис Васильевич Глазов, он решил открыть в школе комнату памяти Семена. Вместе с учителем рисования О. И. Жуковым оформили красивые содержательные стенды о жизни и работе Семена. Одновременно в горисполкоме было принято решение о присвоении Клемёновской школе имени С. А. Калабалына и установлении на здании бывшего детского дома мемориальной доски в память о нем. Слет состоялся 21 августа 1983 года. Съехалось в Клемёново до двухсот человек бывших воспитанников, конечно, в слете приняли

участие и все наши семьи. На слете были представители Центрального педагогического общества. Слет начался с открытия мемориальной доски.

Митинг, посвященный этому событию, открыл представитель Егорьевского исполкома горсовета Б. П. Разумов. В работе слета приняли участие зам. председателя исполкома горсовета Н. И. Ионов, секретарь горкома КПСС А. Е. Маркова, председатель профкома районо В. Т. Никульцева, секретарь горкома комсомола С. И. Семенов, все жители Клемёново. С добрыми словами о Семене выступили бывший воспитанник кандидат психологических наук В. И. Слободчиков, врач Клемёновской больницы П. Ф. Ивина и др. Право открыть доску было предоставлено бывшим воспитанникам – Волковой Галине и Мешкову Андрею. Затем было зачитано решение горисполкома о присвоении Клемёновской школе имени С. А. Калабалина. Право открыть доску с именем С. А. Калабалина на школьном здании было предоставлено бывшим воспитанникам – Морозову Владимиру и Гурову Ивану. Затем все направились в школу, где перерезали красную ленточку у входа в открывшуюся комнату-музей памяти С. А. Калабалина.

Не только участники слета, но и все жители близлежащих деревень посетили в этот день музей школы. Много добрых, теплых слов было сказано в этот день в адрес Семена. Потом в Клемёновском клубе состоялся вечер «От всей души», который вела егорьевская учительница Ольга Анатольевна Во-

робьева. На вечере выступили воспитанники разных поколений, соратники Семена, читали стихи, посвященные Семenu. Бывшие воспитанники вручили цветы своим воспитателям, работникам детдома. Вечер закончился выступлением школьного хора под руководством Т. И. Галенчик. Они исполнили песню детского дома «Семен Карабанов» на слова Е. Д. Горшкова. Вечер закончили Калабалины исполнением любимой песни Семена «Я люблю тебя, жизнь». В завершение вечера Леночка и Антон тепло поблагодарили всех организаторов и участников слета. 22 августа все участники слета утром поехали на кладбище, возложили цветы на могилу Семена.

III слет воспитанников состоялся в марте 1988 года и был посвящен 100-летию со дня рождения А. С. Макаренко.

На этом я закончила свое повествование.

Я счастлива, что сделала все что могла, чтобы Семен продолжал жить в сердцах тех, кому он посвятил свою яркую жизнь, что смогла обработать его наследие и сделать его доступным для людей. Счастлива сознанием того, что Семен всегда с нами, живет среди нас. И если каждый из моих детей, внуков, правнуков возьмет в себя хоть дольку его души, его честности, трудолюбия, любви к людям, бескорыстия, я буду счастлива.

Я лично всегда ощущаю его рядом с собой. Мне хотелось оправдать слова Л. Н. Толстого: «Надо быть не только хорошей женой, но и хорошей вдовой».

Встреча с интересным собеседником⁶

Мы сидим в чисто прибранной комнате, которая была при жизни мужа его рабочим кабинетом. Галина Константиновна разрешает взглянуть в альбомы, документы, которые щедро хранят память об ее муже, об их замечательной жизни.

Корр. Через Вашу жизнь прошло множество событий, ситуаций, граничащих и с безраздельным человеческим горем и пьянящими душу радостями. Чего больше, наверное, трудно оценить. И все-таки, Вы счастливы своей судьбой?

Г. К. Моя жизнь протекала полнокровно и целеустремленно, и мне просто не приходило в голову задумываться, счастлива ли я. Сейчас могу, сказать, что да. Счастлива, во-первых, тем, что в свои юношеские годы вступила в комсомол. Он помог мне, как и многим молодым людям, в трудное время 20-х годов найти правильный путь в жизни. Первым моим комсомольским поручением было вести борьбу с детской преступностью.

Счастлива тем, что судьба свела меня с Семеном Афанасьевичем, человеком яркой натуры. После окончания педа-

⁶ Беседа корреспондента газеты «Знамя труда» с Г. К. Калабалиной 2 июня 1979

гогического техникума вместе с ним работала на практике сначала в колонии имени Горького, позже в коммуне имени Дзержинского.

Встречалась и с Макаренко. Эта встреча также многое решила, помогла в окончательном становлении меня как педагога.

Корр. А каким Макаренко остался в Вашей памяти?

Г. К. Это был необыкновенный человек. Поражала его безграничная вера и любовь к людям, неиссякаемая энергия.

В годы войны, когда Семен Афанасьевич ушел на фронт, и мне доверили возглавить детский дом, в котором воспитывалось двести мальчишек, мудрые советы Макаренко всегда были рядом и облегчили нелегкую работу с ребятами. Да и Семен Афанасьевич был натурой самобытной. Он не умел относиться к жизни равнодушно. За что бы он ни брался, все делал быстро, красиво, со страстью.

У него было свое жизненное кредо: чтобы стать полноценной личностью в обществе, считал Семен Афанасьевич, надо вырастить и воспитать хотя бы одного человека, посадить хотя бы одно дерево и написать хотя бы одну строчку, оставив ее потомству. Он успел выполнить то, что завещал себе: воспитал немало хороших и честных людей, написал книгу воспоминаний «Бродячее детство».

(Корр.) ...После смерти С. А. Калабалина его дело продолжает Галина Константиновна. И сейчас, будучи на заслуженном отдыхе, не перестает передавать свой богатый опыт молодежи, черпает для себя из их педагогического наследия силу, энергию, мудрость, ведет большую общественную работу. У нее много друзей.

Корр. О Вашем муже написано в «Педагогической поэме». Но, наверное, это не единственное, что есть о нем?

Г. К. Да, Макаренко писал о нем и в книге «Дорога в жизнь». В 1973 году Московский театр имени Ленинского комсомола в память о Семене Афанасьевиче поставил спектакль «Колонисты». Я была тогда на его премьере. Словно со своей юностью встретила, так правдиво и ярко был сыгран актером Н. Караченцовым образ Карабанова.

Приятной неожиданностью обернулась для меня и недавняя поездка в Таллинн по приглашению ЦК комсомола Эстонии. Там попала еще на одну премьеру – студенты-дипломники кафедры сценического искусства Таллиннской консерватории поставили спектакль «Колония Макаренко».

Корр. Галина Константиновна, известно, что в Вашей семье 12 детей, причем шесть из них приемных. Откуда у Вас как у матери брались силы и как Вы успевали сочетать семейные заботы с работой?

Г. К. Нам с мужем дети не мешали в жизни, наоборот, чем старше они становились, тем все большую отдачу и помощь от них получали. И радость, и огорчения делили пополам. Без детей для меня пропал бы весь смысл жизни.

(Корр.) ...Годы посеребрили ее волосы, но не состарили ее душу. Прощаясь со мной, она поведала:

Г. К. Завтра уезжаю в Москву. Академия педагогических наук просит быть на встрече с французскими учителями и рассказать о педагогическом наследии Макаренко. Очень волнуюсь...

(Корр.) Волнения, волнения... Они-то и приносят ей счастье.

Письмо Г. К. Калабалиной по поводу откликов на спектакль «Колонисты»

Я прочитала ваше письмо в «Известиях» об отклике на спектакль «Колонисты» Ю. А. Мочалова, поставленный по мотивам «Педагогической поэмы» А. С. Макаренко в театре имени Ленинского комсомола.

Я хочу остановиться не некоторых вопросах, затронутых в вашем письме. Мне очень дорог Антон Семенович Мака-

ренко, дорога колония Горького, потому что с именем Антона Семеновича и колонией им. Горького связано все самое святое в моей жизни. С порога колонии им. Горького началась в те трудные 20-е годы моя жизнь.

С большим волнением смотрела я уже несколько раз спектакль «Колонисты», ставший для меня и моих товарищей по колонии очень близким, так как на нем мы встретились со своей трудной, тревожной, но очень дорогой нам юностью.

В спектакле правдиво показан неумный труд замечательного человека, прекрасного советского педагога А. С. Макаренко и всего коллектива колонии по возвращению к полнокровной жизни, очеловечиванию подростков, которые потеряли веру в себя, в людей, которые волей злой судьбы в тяжелые годы гражданской войны оказались за бортом жизни и подчас совершенно бессознательно попадали под влияние преступного мира, бродившего со своими бандами по нашей земле.

Все хорошее, человеческое у этих ребят было запрятано далеко, его надо было разбудить, зато «вольная» жизнь наложила на каждого из них свой отпечаток. И вот группа таких ребят в 20-е годы прибывает в колонию, что под Полтавой, возглавляемую А. С. Макаренко.

У них очень малое представление о жизни в колонии, об организованном коллективе, им трудно еще порвать со своей прежней бесшабашной, «свободной» жизнью. И вот

своей необузданностью, своими «блатными» песнями они как бы выражают протест, защищаются от еще непонятной, новой, организованной трудовой обстановки. В их песнях, на первый взгляд вызывающих, звучит не бравада, а тоска, порой граничащая с отчаянием.

Да, в те тяжелые годы в ночлежках, в асфальтовых котлах, под мостом и в подвалах жилых домов часто звучала такая песня. Она была вечным спутником замурзанных, голодных ребят и, пожалуй, была единственной отдушиной в их мрачной жизни.

Начало спектакля очень верно, хорошо подчеркивает именно это – не радость, не поиск романтики, не благополучие и излишества привели этих ребят на улицу, а у улицы тех лет были свои падшие законы. Это чувствует каждый зритель и молодой, и умудренный жизненным опытом.

Судьба этих ребят становится близкой им, и они с волнением следят за тем, как шаг за шагом справедливая требовательность, доверие, уважение к личности каждого колониста делают свое дело.

Оттаивают ребята, зарождаются ростки коллектива. И достигается это не просто, а в результате большого труда, исканий, полных тревог и горестного разочарования, и радостью побед дружного коллектива, педагогов-энтузиастов под руководством неутомимого борца за становление нового человека Антона Семеновича Макаренко. Кстати сказать, его образ прекрасно воплотил В. В. Никифоров.

Поверил в себя Карабанов, проснулся в нем тот настоящий человек, который был глубоко спрятан все эти тяжелые для него годы. Нельзя без волнения смотреть сцену возвращения Семена в колонию после выполнения им поручения Антона Семеновича – привезти из банка деньги, его неумемное счастье осознать себя человеком, которому верят. И с присущим ему темпераментом, страстно выражает он свою радость, и по-особому звучит исполняемая им в эти минуты задорная песня «Полюбила Петруся», звучит аккорд музыки, унесший его в облака счастья.

Бурно аплодирует новому Карабанову зал. Это удача режиссера Ю. А. Мочалова. Блестяще справился со своей задачей талантливый актер Николай Караченцов, сумевший вложить в образ своего героя весь темперамент, всю трудовую страсть, которую пронес Карабанов через большую, нелегкую жизнь. Да, справедливо зритель горячо принимает эту сцену – сцену рождения нового человека. И уходят в прошлое первые трудные дни жизни ребят в колонии, их необузданность, их разухабистые песни.

Новые дела, новые перспективы встают перед ребятами. Рабфак... Бурун всю жизнь хотел учиться, а воровал, потому что всегда был голоден. Обрела настоящую жизнь Маруся Левченко, и зритель радуется вместе с ней ее счастью.

А оценка перед отъездом на рабфак первых колонистов! Разговор Макаренко с Карабановым и Задоровым перед отъездом. Вряд ли, кто может быть равнодушным в эти минуты.

В зале напряженная тишина. Очень хочется отметить большую удачу актера Николая Караченцова, сумевшего показать двойственное чувство Карабанова в этот последний вечер в колонии, его привязанность и любовь к колонии, ставшей для него родным домом, и счастье, которое он испытывает от осознания того, что едет учиться на рабфак.

А ведь это не выдумка, это жизнь! Так было. И этот волнующий момент остается навсегда в памяти зрителя, особенно молодого.

Становление личности человека, его стремление к учебе и знаниям, его готовность подчинить личные интересы интересам общества так ярко показаны в конце спектакля. А именно эти качества очень нужны нашей молодежи. В этом большая удача режиссера и автора Ю. А. Мочалова.

Никто не остается после спектакля равнодушным. Уходят с раздумьем о том, что люди в таких тяжелых условиях, попав в большую беду, нашли себя, стали полноценными гражданами нашего социалистического общества.

И тут еще невольно хочется остановиться на музыке, ставшей неотъемлемой частью спектакля. Развивается действие, меняются герои и музыка подчеркивает это, уходя от так называемой «блатной» песни к мелодично-напевной «Полюшко-поле» или зовущей к новому «Калинке». Именно мелодии этих последних песен звучат в ушах, когда уходишь со спектакля.

«Уходя с этого спектакля, становишься лучше и чище», –

пишет мне одна девушка, просмотрев спектакль. Это здорово!

Страшно ли, что наша молодежь слышит песни, исполняемые в первом действии? Думаю, что нет. Они их воспринимают правильно. Да и мы ведь учим ребят критично смотреть на вещи, с которыми они встречаются в жизни, а не просто запрещаем что-то слышать, что-то видеть. И, конечно, каждая группа школьников приходит организованно. Спектакль обсуждается, делаются правильные выводы.

Я приведу вам пример.

Группа трудных подростков одной из подмосковных школ посетила вместе с директором школы спектакль. Мне приходилось встречаться и беседовать с этими ребятами не раз до спектакля. Я знала их настроения, их взгляды на жизнь.

И вот возвращалась с ними в автобусе домой после спектакля. Они сидели притихшие, как-то по-особому с волнением обсуждали вполголоса увиденное. Очень правильно оценили спектакль. Люди подымались со дна в трудное время, а мы идем на дно имея все, все возможности. Спектакль сыграл положительную роль в жизни этих ребят. Они перечитали «Педагогическую поэму», «Флаги на башнях», трилогию Вигдоровой и сделали правильные выводы.

Мне пришлось присутствовать на обсуждении спектакля в ряде школ, училищ, педвузов и уверяю вас, дорогой товарищ Казарновский, молодежь очень правильно оценивает события в спектакле, и их внимание не привлекает «блат-

ная» сторона жизни ребят.

Она только ярче подчеркивает, каким трудным было их становление. Молодежь интересуется судьба героев-колонистов, как сложилась их жизнь в дальнейшем, кем они стали. И поэтому каждая встреча артистов театра и живых героев «Педагогической поэмы» с молодежью вызывает живой интерес, нужный разговор, настоящий праздник и еще раз подчеркивает силу и правильность замечательной системы воспитания, основанной на справедливой требовательности, доверии, уважении, глубоком знании каждой личности, осуществляемой в те трудные годы знаменитым педагогом А. С. Макаренко и применяемой в настоящее время его последователями.

Мне думается, что сейчас, как никогда, нашей молодежи нужно больше таких пьес, фильмов, которые заставляли бы их задуматься над вопросами формирования личности, своего места в жизни. И еще раз хочется отметить большую работу, которая была проделана автором и режиссером спектакля «Колонисты» А. А. Мочаловым и актерским коллективом театра Ленинского комсомола в этом направлении.

Я глубоко уверена, дорогой товарищ Казарновский, что, если бы вы еще раз посмотрели этот спектакль и после этого побеседовали бы с молодым зрителем, вы согласились бы со мной. Искренне желаю вам всего доброго.

С уважением,

*директор Клемёновского детского дома
Московской области,
заслуженная учительница РСФСР
Калабалина Г. К.*

Уважаемый тов. Алексин!

Беспокоит Вас жена Семена Афанасьевича Калабалина, бывшего воспитанника А. С. Макаренко (Семена Карабанова), Калабалина Галина Константиновна.

Семен Афанасьевич в течение сорока лет работал на должности воспитателя и руководителя ряда детских домов и детских колоний, продолжая и развивая опыт своего великого учителя. Последние двадцать лет руководил детским домом в пос. Клемёново Егорьевского района Московской области, где преждевременная кончина вырвала его из армии советских педагогов (С. А. Афанасьевич скончался 24 июня 1972 года).

В этом году, 21-го августа, Семену Афанасьевичу исполняется 75 лет со дня рождения, в связи с этим юбилеем начата работа по созданию Мемориального методического центра им. С. А. Калабалина. Непосредственную помощь в этой работе оказывают члены Макаренковской секции Ленинградского отделения Педагогического общества, председатель Бюро секции профессор И. П. Иванов.

В марте с. г. вся наша страна и за рубежом праздновали

90-летие со дня рождения А. С. Макаренко. На торжествах, посвященных этой дате, я познакомилась с писателем Амлинским, который проявил большой интерес к жизни и деятельности ученика А. С. Макаренко, его соратника и друга, Семена Афанасьевича Калабалина.

Свое письмо я адресовала Вам не случайно. Предисловие к книге Амлинского «Спор с судьбой», написанное Вами, позволили думать, что Вы хорошо знакомы с этим писателем и его творчеством. Владимир Ильич выразил желание написать книгу о С. А. Калабалине, его работе педагога-воспитателя. Мне показалось это предложение интересным и нужным, но в напряженные дни марта месяца мы не успели обменяться координатами, поэтому я не нашла другого средства связи с В. И. Амлинским, как через Вас. Владимир Ильич мог бы воспользоваться документами, перепиской, фотоматериалами, связанными с жизнью и деятельностью С. А. Калабалина. Они послужили бы ему хорошим материалом для дальнейшего развития темы о роли воспитания в становлении нового человека. Если по каким-либо причинам тов. Амлинский не сможет приступить к данной работе, то я буду рада, если Вы предложите чью-либо другую кандидатуру. Ваша рекомендация будет для меня самой весомой.

Главная задача состоит в том, чтобы дело, начатое А. С. Макаренко и продолженное С. А. Калабалиным, не было предано забвению. Создание Мемориально-методическо-

го центра и издание книги об опыте работы Семена Афанасьевича является хорошим пособием для работы наших педагогов.

Правильность пути, выбранного С. А. Калабалиным, доказывают судьбы его воспитанников, которые прислали мне воспоминания о своем учителе и друге и своем месте в жизни. Любые интересующие материалы я с радостью предложу вниманию писателя.

Любой Ваш ответ буду ждать с нетерпением. Беру на себя смелость заранее поблагодарить Вас за участие в этом важном для меня и, думаю, для многих других деле.

С уважением и наилучшими пожеланиями.

Вместе с Семеном по жизни

Мне посчастливилось начать свой жизненный путь учителя под руководством замечательного педагога А. С. Макаренко и встретить на своем жизненном пути прекрасного человека С. А. Калабалина, с которым мы прошли по нелегкому, но очень интересному и дорогому нам пути.

С первой встречи Семен Афанасьевич покорила меня своим внутренним обаянием, неугасимой энергией. Все, за что он брался, буквально горело в его руках. Когда он улыбался с присущей ему добротой, становилось спокойно. По натуре он был трудолюбивый, добрый, честный, требовательный

к себе и к окружающим человеком. В своих взглядах и решениях был принципиальным, не терпел подхалимства и равнодушия. Он обладал удивительным тактом, всегда с уважением относился к женщинам.

Характер у него был вспыльчивый, но быстро отходчивый. Все, за что он брался, делал с увлечением, с полной отдачей своих сил. Такой он был в жизни, в работе, в игре. Свободное от работы время (а его у него было мало) он посвящал семье, книгам, любил работы в огороде, саду.

Семен Афанасьевич быстро сходился с людьми, дорожил настоящей дружбой. Он обладал чувством юмора, который помогал ему в работе, и прекрасным даром речи. В своих выступлениях никогда не пользовался шпаргалками. Его выступления, лекции всегда были яркими, живыми. Он умел прекрасно владеть аудиторией, имел с ней полный контакт. Семен Афанасьевич был пунктуален, внимателен к людям. Был хорошим семьянином, любил детей, любил их трепетной любовью. Все требования, которые он выдвигал к своим воспитанникам, он выдвигал и своим детям. Двери нашего дома были открыты для друзей наших детей. Проблемы «родителей и детей» в нашем доме не существовало. У нас всегда были общие интересы, общие радости и горести, всегда было взаимопонимание.

Не случайно, наверное, все наши дети стали педагогами. В своей работе они опирались на опыт отца. На работе Семен Афанасьевич был всегда требователен к себе и к коллекти-

ву. Он не терпел расхлябанности, равнодушия, недобросовестности. С уважением относился к тем, кто работал творчески, с огоньком, поддерживал их, помогал, но не навязывал своей воли. Основным принципом, унаследованным у Антона Семеновича, был такой: как можно больше уважения и доверия к человеку. Семен Афанасьевич считал необходимым ежедневно контактировать с каждым воспитанником. За все время своей работы в детских учреждениях он не пропустил ни одного подъема, ни одного отбоя. Первый говорил ребятам: «Доброе утро», – и последний: «Спокойной ночи». С ребятами он был вместе и в труде, и в игре, и в походе. Это помогало ему знать индивидуальные особенности каждого.

Большое внимание уделял физическому воспитанию детей. Работу в любом детском учреждении начинал с организации спортивных сооружений. На спортивных площадках было всегда шумно и весело. И не случайно на спортивных спартакиадах наш детский дом всегда занимал призовые места. Работать с Семеном Афанасьевичем было интересно. Работали с полной отдачей. Ко мне как к воспитателю он был особо требователен. То, что прощалось другому воспитателю, мне не прощалось, да я и сама чувствовала особую ответственность. Это помогало мне в трудные годы войны, когда я пришла в детский дом с особым режимом, в условиях эвакуации успешно справиться с работой. Его уроки помогали и потом.

Семен Афанасьевич пользовался большим успехом сре-

ди жителей Климово и ближайших деревень. Будучи депутатом сельского совета, он возглавил административную комиссию. И люди шли к нему со всеми своими бедами и заботами в любое время дня и ночи. И всегда получали помощь и поддержку. Он много сделал для благоустройства села. До сих пор люди вспоминают, как он с ребятами привел в порядок пруд, который стал излюбленным местом отдыха рабочей молодежи. Так и называли его люди «Сенькин пруд».

Очень хороший деловой контакт со школами, где учились дети, что способствовало хорошей успеваемости. И, наверное, не случайно в 1983 году в день 80-летия Семена Афанасьевича Клемёновской школе было присвоено его имя и открыт музей его памяти.

Семен Афанасьевич прикладывал все силы к тому, чтобы детский дом стал родным для всех детей, которые росли и воспитывались в нем. Мы думаем, что, судя по воспоминаниям воспитанников, он этого добился. После выхода из детского дома ребята не подводили Семена Афанасьевича. Они с полной ответственностью учились в ПТУ, в которое поступали после детского дома. Семен Афанасьевич и воспитатели посещали все учебные заведения, где продолжали учебу наши воспитанники, принимали участие в родительских собраниях ПТУ, следили за жизнью и учебой каждого. И не случайно за подготовку хороших кадров для ПТУ Семен Афанасьевич был награжден знаком «Отличник профтехобразования». После выхода из детдома ребята

не порывали связи с нами. На каникулах они посещали детский дом.

Уважали Семена Афанасьевича и жители поселка Клемёново, где мы с ним работали последние двадцать лет.

Трудолюбивый, добрый и честный по натуре, он был очень требовательным к себе и к окружающим. Во взглядах и решениях своих был всегда принципиальным, не терпел подхалимства, приспособленчества и равнодушия. Обладал удивительным тактом, с большим уважением относился к женщинам и престарелым.

Семен Афанасьевич был пунктуален и внимателен к людям. Получал множество писем от учителей, студентов, нередко ему совсем не знакомых, и я не помню случая, чтобы хоть одно письмо осталось без ответа.

В заключение хочется сказать, что человек он был скромный, честный, очень преданный своему делу и Родине до последнего дня своей жизни.

Наверно, поэтому так жива память о нем у тех, кому помог встать на правильную дорогу мой Семен Афанасьевич.

Выступление перед студентами педагогического колледжа

Я, наверное, очень счастливый человек. Мне очень в жизни повезло. Прежде всего, тем, что я как личность и как педагог прошла первую школу под руководством А. С. Мака-

ренко. И еще тем, что я в свои ранние, еще юношеские годы встретила замечательного человека, который стал для меня другом, товарищем, соратником, мужем, отцом моих детей, с которым мы прожили 45 лет, рука об руку идя по одной тропе, педагогической. Тропе не легкой. Вы все будете педагогами, это совсем не легкая тропа. Но когда чувствуешь опору, когда чувствуешь локоть друг друга, то тогда тебе идти значительно легче. Вот это я считаю первое мое счастье.

И второе большое счастье мое – у меня очень большая семья. Чем больше семья, тем радостнее живется. Но я свою семью исчисляю не десятками, и даже не сотнями, а тысячами ребят разного возраста, выпускников разных поколений, разных национальностей, живущих в разных уголках нашей страны, близость которых я всегда чувствую. А ведь главное большое счастье – это иметь друзей. Никакое другое богатство с этим не сравнишь. И поэтому, даже когда мне бывало трудно, я не унывала — друзья, единомышленники рядом, а вместе ничего не страшно. Вот во время войны нужно было эвакуировать детский дом и мне пришлось с четырьмя собственными детьми и двумястами тридцатью воспитанниками детского дома, мальчиками со сложной судьбой, выехать на далекий Урал. Мы ехали все вместе, в одном эшелоне. Какое было сложное путешествие!

По дороге некоторые наши сотрудники потеряли своих детей. У нас в коллективе не было ни одного мужчины. Я была самая старшая. Мне было 32 года, остальные у нас

были молодые девочки. Семен Афанасьевич, когда пришел в детский дом, то уволил целый ряд воспитателей, которые были демобилизованы из армии и применяли армейские приемы в воспитании. Взял выпускниц 1-го педучилища им. К. Д. Ушинского – девочек в возрасте 18—19-ти лет. Вот с таким коллективом мы приехали на Урал. Очень было трудно. И морально, и физически, и материально. Нужно было осваивать совершенно новые работы, научиться косить, пахать, вязать снопы. Я этого не умела, и девочки не умели. И вместе с ребятами всему мы научились.

В самые трудные минуты я получала письма из разных уголков нашей Родины. Сражались мои ребята на разных фронтах. Они присылали нам свои аттестаты, писали очень теплые письма мне и в детский дом, вызывая ребят на соревнование. Они иногда и в отпуск к нам приезжали, потому что здесь был их родной дом. Каждый приезд воспитанников, каждое их письмо помогало нам в работе и согревало как-то душу.

Я пять лет почти ничего не знала о Семене Афанасьевиче, где он и что с ним. Он был заброшен в глубокий тыл врага, выполнял задание нашей контрразведки. «Если вы видели фильм „Щит и меч“, то можете себе примерно представить, какая у меня была работа», – говорил он впоследствии. Я писала, пыталась его найти, а мне отвечали: «В списках убитых не значится».

Знаете, когда люди очень любят друг друга, верят друг

другу, есть ниточка, которая их связывает. У меня была глубокая уверенность, что Семен жив. Он не может погибнуть, такого не может случиться. И эту веру поддерживали и ребята. Они писали: «Галина Константиновна, – отец жив, он выживет, он обязательно будет вместе с нами». Эта вера помогла мне довести до конца войны трудную работу, которая лежала на моих плечах. И действительно, в конце 44-го года, совершенно случайно, как возможно было и у Симонова, что побудило его написать «Жди меня», нежданно-негаданно мы встретились под Новый год.

У меня был очень хороший оркестр, в 1944 году мы сняли хороший урожай и, как и в 1943, получили переходящее знамя Челябинской области. Мальчишки стали уж очень задаваться, будто они такие незаменимые игроки в оркестре, и перестали ходить на репетиции и на сыгровку. Я спросила у капельмейстера, сколько нужно времени, чтобы подготовить новый оркестр. Он сказал, что месяца полтора. Я поговорила с девочками, и мы создали оркестр из одних девочек. Было очень здорово. Одни девочки шли во главе колонны.

Нас пригласили под Новый год в соседний поселок Юрюзань на новогоднюю елку. Мы поехали. Играли, выступали наши ребята. У нас была очень хорошая самодеятельность, а утром возвратились домой. Надо было ехать до станции. В этот раз поезд задержался. Долго мы его ждали, потом сели в вагон. Некоторые девочки мои пошли погулять по вагонам, пройтись, подышать. А по нашей традиции, как прави-

ло, меня всегда встречали, куда бы я ни уезжала. Подъехали к станции, я вышла на ступеньки вагона, смотрю – идут мои воспитанники. Но не ко мне, а к соседнему вагону. Я им машу, а они говорят:

– Нет, мы не вас встречаем.

Вот поезд остановился, оборачиваюсь к вагону, к которому шли дети и вижу, что на ступеньках стоит Семен Афанасьевич. Я подумала, что у меня, наверное, галлюцинация, что мне что-то приснилось, что-то произошло. Я спустилась со ступенек, и понятно, что тут произошло. Народ хорошо меня знал, поднялся шум и крик: «Что, задушили кого-то?» «Нет, – говорят, – Галина Константиновна приехала и встретила своего мужа». Кто-то из детей побежал в детский дом сообщить ребятам о приезде Семена Афанасьевича. Сыну Антону шел тогда шестой год. Когда мы подходили к детскому дому, все воспитанники уже летели нам навстречу. Семен Афанасьевич спрашивает:

– Где же наши. Все же прошло пять лет.

Я говорю:

– Наверное, те, которые бегут быстрее всех.

Позади всех бежал Антошка, в шинели, которая была сшита для него. Вот такой была наша первая встреча с Семеном Афанасьевичем после его возвращения с фронта в конце 1944 года.

А затем мы переехали в Москву. Я хочу сказать: вот, что значит – друзья и что значит иметь очень много близких лю-

дей.

Работали вместе, сначала на Украине пять лет, потом в Клемёново семнадцать лет. В 1973 году случилась непоправимая беда – ушел из жизни Семен Афанасьевич. Мне казалось, что я не сумею справиться с этой трагедией, слишком большая была прожита вместе жизнь, – это была единая жизнь, невысказанная друг без друга. Кто помог пережить эту трагедию? Ребята, которые не оставляли меня ни на минуту, хотя я жила в Клемёново одна. Сын в это время работал под Москвой, две дочери – в Рязанской области. Все меня звали переехать, но я не могла оторваться от того места, где каждый кустик, каждое дерево было посажено его рукой, где столько вместе прожито, пережито, а потом, – это дом моих ребят, где они семнадцать лет жили. Куда же тогда они и к кому приедут, где смогут встретиться?

Уехать из Клемёново я не смогла и осталась одна. Помню первый Новый год. Мне было очень страшно! Как этот Новый год пройдет? И вы знаете, я получила столько писем, было столько звонков, что я не почувствовала себя одинокой.

А потом, видно, жизнь так удивительно устроена, я получила еще очень большой подарок. В феврале была поставлена пьеса «Колонисты». Скажу вам по секрету, что я ходила на спектакль, наверное, раз десять или одиннадцать. Я ходила на свидание со своей молодостью. Мне казалось, что я опять встречаюсь с Семеном Афанасьевичем. Удивительно, Николай Петрович Караченцов сумел войти в образ, понять

Семена Афанасьевича, хотя никогда его не видел. Когда я была на спектакле, то события, связанные с Семеном Афанасьевичем, были живы в памяти, и еще очень кровоточила рана. Вы знаете, я впервые забыла себя. Мне казалось, что мне опять 16 лет, что я не сижу в театре Ленинского комсомола, а нахожусь в Харькове, в Полтаве, что я встретила того Семена, который посвятил мне тогда стихотворение, заканчивающееся такими строчками:

*Парня непутевого,
встретила не зря,
Все, что в нем хорошего
только для тебя.*

Вот действительно этого непутевого парня я увидела на сцене. И вы знаете, когда закончился спектакль, мне не хотелось уходить из зала. Я никого там не знала. Люди что-то говорили, поздравляли друг друга, а я сидела. Мне так не хотелось, чтобы кто-то подходил ко мне и выводил меня из состояния, в котором я была. Подошел артист и сказал, что будет обсуждение. Пришлось прийти в себя. Второй раз я смотрела этот спектакль уже более спокойно. Когда после спектакля ко мне подошел Коля, я его, честно говоря, не узнала. Я чувствовала его, чувствовала, что это Семен, это мой Семен. Впоследствии этот спектакль я воспринимала иначе.

Когда мне было трудно в детском доме, я шла к Макаренко посоветоваться. Эти обращения сыграли огромную

роль в моей жизни. Они очень помогли пережить трудности, возникающие в моей жизни. Видите, сколько, оказывается, хороших людей, сколько хороших друзей оказалось у меня на пути в эти трудные минуты. И не случайно эти люди стали мне страшно близкими, дорогими и очень, очень родными.

В заключение мне хочется сказать:

– Дорогие друзья! У Гамзатова есть такие стихи: «Берегите друзей». Самое дорогое в жизни – это лучший друг. Чем больше у вас будет друзей, тем вы богаче. Не материальное богатство, – оно относительно. Я имею в виду богатство душевной теплоты, которая вас окружает. Постарайтесь сами дать эту теплоту другому человеку. Счастье человека необходимо оценивать по количеству людей, которых он сделал счастливыми. Мне кажется, что Антон Семенович был очень счастливый человек, потому что он очень многих сделал счастливыми.

Вам предстоит очень сложная работа – формировать фундамент детской души. Ведь это вы его формируете. Что вы заложите, то и будет потом в жизни этого человека. Чем больше ребят сделаете счастливыми, тем счастливее будете сами.

Вот такого большого человеческого счастья в этот замечательный для меня день, я желаю вам, дорогие девочки.

Дорогой Евгений Дмитриевич!

Спасибо за доброе письмо, заботу, сердечность.

Пережила я, конечно, страшные минуты, когда в одиннадцать часов вечера вошла из столовой в спальню и увидела открытый шкаф и вывернутые из него вещи, зная, что все двери входные закрывала. Я сказала вслух:

– Полтергейст что ли у меня хозяйничает?

И тут из-за спины раздался голос:

– Бабка, давай деньги, а то зарежу.

Обернулась и увидела фигуру в брезентовой маске с капюшоном, спущенным на лицо. Я схватила его за руку и сказала:

– Ты что?

Почувствовала, что в руке не ножик, а стамеска. Он повторил:

– Давай деньги.

Тогда я ему говорю:

– К кому ты пришел? Мы с Семеном Афанасьевичем всю жизнь проработали с такими, как ты.

Он мне ответил:

– Со мной не работали.

Я сказала ему:

– Иначе бы ты ко мне по-другому пришел.

И тут подумала: «Ведь я одна, он стукнет меня, и все».

– Сколько тебе надо денег? – спросила я.

Он ответил:

– Сто рублей.

На полу валялась сумка, в которой был кошелек с моей пенсией – сто сорок рублей. Я взяла сумку и сказала, что поделюсь с ним своей пенсией, а когда открыла сумку, кошелек в ней уже не оказалось.

– Ты же уже взял деньги, что ты еще ищешь? – сказала я.

Он вышел из спальни, зашел в столовую, взял со стола кошелек, в котором было пять рублей рублями. Взял четыре рубля, а один рубль оставил мне на хлеб и сказал:

– А теперь выпусти меня.

Я открыла двери, и он ушел.

Сразу позвонила в милицию. И чувствовала, что был паренек молодой – лет семнадцати-восемнадцати. Милиция пришла сразу, взяла отпечатки пальцев.

Вошел он, разбив окно на веранде, а потом через форточку на кухне. Подозрения пали на бывшего воспитанника вспомогательной школы, который после 6-го класса сошелся с одной деревенской девушкой. Оба нигде не работают.

Конечно, потрясение было огромное. Утром пришли учителя школы, они принесли мне деньги, собранные в коллективе. Пришли из горно, горисполкома, горкома партии. Всю милицию подняли на ноги.

К моему счастью, на второй день приехала Леночка и пробыла у меня неделю.

В течение недели после этого случая, было совершено таким же путем еще две кражи на селе.

По теории вероятности второй раз я уже гостя не ждала, но 19-го в 7 часов утра я проснулась от удара о кровать и увидела опять его около шкафа. Я вскочила и говорю:

– Опять, «друг», пришел?

В руках у него был чем-то набитый целлофановый мешочек. Он быстро вышел из комнаты и спросил:

– Папиросы есть?

Я ответила, что нет, и он ушел. На этот раз он очистил весь холодильник, взял из буфета две банки кофе, транзистор, еще кое-какие мелочи. Деньги, к своему горю, не обнаружил.

Опять сразу позвонила в милицию, которая через двадцать минут была у меня, во главе со следователем, который уже занялся этим делом.

В 10 часов его с подругой задержали в соседней деревне. Оказывается, после он орудовал на кухне во вспомогательной школе, откуда он прихватил хлеборезный нож. Когда милиция его схватила, он полоснул себя ножом по животу и потерял сознание. Девушку взяли, а его отправили в больницу. Все похищенное нашли. «Если поправится, срок заработает», – сказал кто-то из воспитателей вспомогательной школы. Правда, со мной вел он себя довольно корректно, и, в основном, кроме транзистора, из вещей ничего не взял.

А. С. Макаренко в моей жизни и развитие его идей в педагогической практике

А. С. Макаренко в моей жизни и работе⁷

А. С. Макаренко в моей жизни и работе

Тридцать пять лет я работаю воспитателем в детских домах и не мыслю себе жизни вне своей работы. Большое счастье, когда работа является неотъемлемой частью жизни.

Кто же помог мне найти правильный путь в жизни, найти в ней свое место?

Вспоминаются тяжелые 20-е годы, когда наше молодое государство вставало на ноги после тяжелой разрухи. Я жила тогда в Харькове с матерью. Неожиданно мама умерла, и я, пятнадцатилетняя девочка, осталась одна. Трудно в таком возрасте самой разобраться во всех сложных вопросах жизни. Но мы, молодежь, хорошо понимали – надо помочь

⁷ Школа и производство. – 1963. – март.

нашей стране. И вот мы, группа студентов рабфака, идем на борьбу с детской беспризорностью, помогаем в работе окружной комиссии помощи детям

Однажды нас пригласили в Харьковский Облнаробраз на встречу с заведующим колонией им. Горького А. С. Макаренко (это было перед переездом горьковцев в Куряж).

Мы ждали ученого доклада, а получился душевный разговор. С большой теплотой говорил Антон Семенович о своих воспитанниках, о тех причинах, которые приводят ребят на улицу, о том, какие замечательные люди выходят из колонии имени Горького, о том, что в каждом человеке, даже самом плохом, есть что-то хорошее, которое надо найти, увидеть, за которое надо зацепиться и которое надо развивать.

Я слушала Антона Семеновича затаив дыхание. Как он верит в человека, как он любит людей. У такого педагога не может быть плохих воспитанников. Как счастливы те, которые попали в эти заботливые руки. И как мне захотелось в эти минуты посвятить свою жизнь этим, вырванным из нормальной жизни ребятам, на которых я до того дня смотрела совсем другими глазами.

После беседы я подошла к Антону Семеновичу и рассказала ему о своей жизни, о трудностях, с которыми я столкнулась после смерти матери. Антон Семенович выслушал меня внимательно, а потом сказал:

– Вот что, здесь в Харькове учится группа наших рабфаковцев. Это наш сводный отряд. Я зачисляю тебя в него,

и с этого дня ты не одна, у тебя большая семья, которая будет заботиться о тебе, и перед которой ты будешь в ответе за свои поступки. То, что ты хочешь стать воспитателем, это очень хорошо, и ты им обязательно будешь.

С этого дня моя жизнь получили новый смысл. Я была не одна. Меня окружили хорошие, заботливые друзья. Антон Семенович регулярно навещал сводный отряд, который жил в студенческом городке, и его приезды были всегда большими праздниками. А по субботам, после занятий мы всей гурьбой отправлялись домой, в колонию, в Куряж. Нас встречали тепло, радушно ребята, воспитатели и особенно Антон Семенович. После ужина мы шли в «громкий» клуб посмотреть спектакль, подготовленный драмкружком. А какие это были замечательные постановки! Я и сейчас без волнения не могу вспоминать драму М. Горького «На дне» в исполнении наших ребят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.